

ИЗЪ ДНЕВНИКА ДАГЕСТАНЦА.

Лагерь на Ибрагимъ-дада.

Июль 1859 года.

Въ 40-ка верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, на полудорогѣ между укрѣпленіями Евгеніевскимъ и Буртунаемъ, въ Салатавіи, находится довольно высокая гора Ибрагимъ-дада. Въ іюль мѣсяцѣ 1859 года на этой горѣ были поставлены двѣ роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка: 17-я и 5-я стрѣлковая, подѣ командою капитана Квицинскаго; въ этихъ ротахъ состоялъ тогда и я. Роты имѣли назначеніемъ содержать пикетъ на Ибрагимъ-дада и конвоировать почту въ Евгеніевское и Буртунай. Намъ, младшихъ офицеровъ, было всего только трое, а потому почти ежедневный нарядъ на службу былъ дѣломъ не легкимъ. Выйдешь, бывало, въ пикетъ на вершину горы и сидишь на ней отъ утренней до вечерней зари. Для любителей природы видъ открывался богатый на горы, поросшія густой травой, и ущелья, покрытыя столѣтними дубами и чинарами. Черезъ гору черною лентою вьется дорога въ Буртунай, а по ней, туда и обратно, тянутся тысячи аробѣ, чарводарскихъ коней и ословъ, перевозящихъ въ отрядъ провіантъ и снаряды. Если погода хороша, смотрѣть еще не такъ скучно: ляжешь себѣ въ траву и предаешься мечтамъ о лучшемъ будущемъ, а то и считаешь, если есть что; солнце привѣтливо грѣетъ съ высоты, воздухъ свѣжій и чистый, смотришь—день и прошелъ незамѣтно. Скучнова-

ты, конечно, но не лишены нѣкоторой прелести эти сидѣнія на пикетѣ и въ туманную погоду. Есть что-то особенно величественное въ той картинѣ, которая разстилается у вашихъ ногъ: вершина горы, на которой расположенъ пикетъ, кажется небольшимъ островомъ, а ниже, на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ, стелется, точно море, ползетъ и клубится бѣлая масса тумана. Съ пикета, кромѣ этого тумана, не видно ничего, а потому ограничиваешься удвоенной бдительностью и напряженнымъ вниманіемъ уже не зрѣнія, а слуха. Но въ дождливые дни было невыносимо: лежишь часовъ шестнадцать въ водѣ, весь мокрый, а вѣтеръ, какъ ча зло, пронизываетъ насквозь, пробираясь холодной змѣйкой по всему тѣлу; впереди же, вмѣсто отдыха—очередь конвоировать почту въ Евгеніевское. Прогулка эта была хотя и не легче пикетной службы, но зато разнообразнѣе. Въ Евгеніевское, отстоящее отъ нашего лагеря на Ибрагимъ-дада въ 10-ти верстахъ, спускаешься все время подъ гору. На горѣ у насъ воздухъ чистый и свѣжій, такъ что даже въ ясный солнечный день ходишь въ сюртукѣ, и то прохладно; къ Евгеніевскому дѣлается все теплѣе и теплѣе, а, войдя въ самое укрѣпленіе, чувствуешь духоту и гниль, какъ въ грязной банѣ. Тутъ ужъ не только въ сюртукѣ, но и въ кителѣ выйти изъ квартиры почти невозможно. Отдохнувши въ этой банѣ и сдавъ корреспонденцію воинскому начальнику, возвращаешься на гору. Обрато идти уже не такъ легко: гора крутая, приходится лѣзть буквально на пачку, а пока доберешься до лагеря разъ сто отдохнешь на дорогѣ; не даромъ солдаты прозвали ее „Сапунъ-гора.“ Бывало, спросишь солдата: „сколько, братецъ, верстъ съ Ибрагимъ-дада до Евгеніевска?“ онъ отвѣтитъ—„десять,“ а спроси его, сколько верстъ отъ Евгеніевска до Ибрагимъ-дада, онъ, не задумываясь, скажетъ, что двадцать пять. Этимъ солдатъ опредѣляетъ крутой и трудный подъемъ.

10-го іюля, ночью, капитанъ нашъ получилъ приказаніе сняться съ лагеря, идти въ Буртунай и, соединившись съ тремя ротами, отправиться въ экспедицію, но куда—никто не зналъ. Лагерь ожилъ, зашумѣлъ, засуетился; пошла укладка, сборы; къ разсвѣту мы уже были готовы къ выступленію и только ждали прихода на наше мѣсто двухъ ротъ 18-го стрѣльцоваго баталіона.

12-го іюля 1850 года.

Не пришлось долго стоять и въ Буртунай. Сегодня приказано намъ выступить въ мичикальское ущелье, гдѣ былъ уже собранъ дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля. Было еще совершенно темно и горнисты только-что проиграли генералъ-маршъ, а въ ротахъ дежурные уже прокричали „пошелъ за обѣдомъ“—передъ походомъ, солдаты обѣдали обыкновенно до зари. Потомъ пошла укладка вещей, расчетъ ротъ; наконецъ все успокоилось и въ ротахъ тамъ и сямъ затянули пѣсни—знакъ готовности къ выступленію. Напившись чаю, я сталъ думать объ укладкѣ. У меня была одна только лошадь, на которой надобно было и вещи возить и самому сидѣть. Я распорядился такъ: вмѣсто потника положилъ персидскій коверъ, сложенный въ нѣсколько разъ, на него—азіятское сѣдло съ подушкой, сзади сѣдла привязалъ двѣ переметныя сумы, причемъ въ одну изъ нихъ уложилъ бѣлье денщика и посуду, а въ другую свое бѣлье и платье, а поверхъ сумъ привязалъ плащъ. Просто, удобно и вѣситъ не болѣе двухъ пудовъ, а между тѣмъ все необходимое имѣется подъ рукой. Товарищи мои дѣлали то же. Ротные командиры, получавшіе тогда содержаніе чуть ли не вдвое больше нашего, имѣли двухъ лошадей—верховую и выучную. На послѣдней возились походные сундуки, изъ которыхъ составлялась походная кровать; вещи въ нихъ укладывались въ порядкѣ и не мялись. Вотъ заиграли наконецъ сборъ, роты

стали въ ружье и, по указанію адъютанта, пошли, кто въ авангардѣ, кто въ арьергардѣ, а кто между выюками. Дорога шла узкая и движеніе замедлялось. На полпути, на обширной ровной полянѣ, гдѣ былъ расположенъ лагерьмъ дивизіонъ Сѣверскаго драгунскаго полка, сдѣлали привалъ. Роты стали кругомъ поляны полудугой, а въ средину пустили пастись развыюченныхъ лошадей. Наконецъ тронулись далѣе. Пройдя нѣсколько верстъ по ровной дорогѣ, мы подошли къ длинному и крутому спуску. Эта была граница между Салатавіей и землей гумбетовцевъ. Внизу виднѣлась анчигеерская гора, завалы, близь которыхъ стояли лагерьмъ аншеронцы, а дальше, въ ущельи, между громадными горами разбросано было безчисленное множество палатокъ главныхъ силъ дагестанскаго отряда. Завалы, черезъ которые мы проходили, были устроены въ два ряда. Первый рядъ сдѣланъ изъ бѣлаго камня и тянулся между горами въ ущелье, а второй, большій, называемый анчигеерскимъ, изъ земли. Горцы во главѣ съ Шамилемъ, вѣроятно, думали преградить намъ дорогу этими завалами, но при появленіи ширванцевъ и мусульманъ, подъ командой г.-м. Ракусъ, въ началѣ іюля, гумбетовцы, защищавшіе завалы, бросили ихъ и ушли почти безъ выстрѣла. Дорогой у одного солдатика свалилась съ выюка торба съ хлѣбомъ и полетѣла въ огромный оврагъ. Бѣднягѣ жалко стало своихъ сухарей, и онъ обходными тропами спустился въ оврагъ, досталъ разсыпавшіеся 6 фунтовъ сухарей и потомъ догналъ баталіонъ. Часу въ четвертомъ, съ пѣснями и хоромъ горнистовъ, мы вступили въ лагерь главнаго отряда. Улица между лагерьмъ была ровная и широкая; солдаты прозвали ее „Шамилевскимъ проспектомъ.“ На этомъ-то проспектѣ встрѣтили насъ товарищи, раньше насъ вышедшіе въ походъ, и угостили покавказски.

Лагерь въ мичикальскомъ ущельи.

13-го июля 1859 года.

Сегодня дневка. Въ Мичикъ-кале оставляли вагенбургъ, а потому обносили его землянымъ валомъ (завалами) и устранивали батарею для артилеріи. Работа кипѣла; видно было, что мы скоро уйдемъ отсюда, потому что рабочихъ было много и ихъ торопили. Сегодня же высланы были въ Дагестанскій пѣхотный полкъ за прошлогоднюю экспедицію 75 георгіевскихъ крестовъ и полковой командиръ полковникъ Федоръ Федоровичъ Радецкій раздавалъ ихъ съ большею торжественностью, при звукахъ музыки. Послѣ парада начался кутежъ. Радецкій отпустилъ въ каждую роту по ведру спирта, молодые кавалеры еще отъ себя угощали товарищей, и крики „ура“ долго не умолкали по всему полку, повторяемые эхомъ ущелья. Рота, въ которой я состою, не участвовала въ прошлогодней экспедиціи, а потому ничего не получила и съ понятной завистью смотрѣла на сосѣдей. Отъ нечего дѣлать, пошелъ я въ гости къ капитану К. И. У него было нѣсколько пріятелей горцевъ, которыхъ онъ угощалъ спиртомъ и разсиранивалъ, что дѣлается въ горахъ. Горцы пили спиртъ какъ воду и разсказывали, что Шамиль съ огромною арміею стоитъ у андійскихъ воротъ; мостъ же на андійскомъ Койсу у Сугратля сжегъ, а дорогу испортилъ, для чего платилъ даже бѣглымъ солдатамъ, и тѣ работали день и ночь, взрывая скалы. Теперь, говорили они, не только пройти рѣчку, но и добраться до нея нѣтъ никакой возможности. Они совѣтовали И., какъ другу, не идти туда, потому что мюридовъ собрано въ десять разъ больше чѣмъ въ нашемъ лагерѣ солдатъ и что насъ всѣхъ перебыютъ. Вечеромъ было отдано приказаніе выступать въ походъ. На выюки велѣно взять дровъ, такъ какъ мы шли въ безлѣсную страну, кромѣ того, раздать каждому солдату по полѣну и выступать безъ шума. Нашему сводному баталіону приказано

идти въ авангардѣ. Въ Мичикъ-кале при вагенбургѣ были оставлены 3 баталіона Аншеронскаго и нашего полковъ.

14-го іюля.

Въ 2 часа почи разбудилъ насъ генераль-маршъ—и весь лагерь зашевелился. Какъ не хотѣлось вставать въ такую рань, но палатку нашу сняли безъ церемоніи и волей-неволей пришлось поторопиться. Въ 3 часа тронулись съ мѣста. Впереди всѣхъ проѣхалъ конно-ирегулярный мусульманскій полкъ, за нимъ сѣверскіе драгуны, а за драгунами потянулся 21-й стрѣлковый и нашъ, сводный, баталіоны. Въ баталіонныхъ интервалахъ, на выюкахъ, везли патронные ящики и носилки для раненыхъ. Пройдя около 10-ти верстъ, все время въ гору по отвратительнѣйшей тропѣ, мы взобрались на плоскую возвышенность и остановились, чтобы подтянуться остальнымъ войскамъ, но тутъ, на песчаной горѣ, находившейся лѣвѣе насъ, показались горцы и открыли ружейный огонь. Мусульмане и драгуны, по указанію генерала Врангеля, понеслись впередъ, а намъ было приказано прибавить шагъ. Послѣ пустой перестрѣлки горцы исчезли, а мы, по камнямъ и по щебню, пошли за кавалеріей, которая свернула съ дороги и понеслась на гору. Дѣло въ томъ, что горцы устроили по нашей дорогѣ завалы, но генераль Врангель, очевидно, предупрежденный лазутчиками, свернулъ съ нея и пошелъ напрямикъ по скаламъ. Съ досады, что мы не дали себя въ обманъ, горцы поднялись на гору и открыли стрѣльбу, но ихъ пули до насъ не долетали. Видя, что и этимъ нельзя остановить наше движеніе, они начали ѣздить взадъ и впередъ по горѣ и пронзительно кричать.

Спустившись съ горы, мы увидѣли аулъ Аргуани; мусульманцы были уже въ немъ и у нихъ завязалась перестрѣлка, хотя жители выселены были Шамилемъ въ безопас-

ное мѣсто. Не доходя аула, мы повернули вправо и пошли по засѣянному полюмъ. Урожай былъ отличный: пшеница, ячмень, кукуруза, бобы, марковь—всего было вдоволь. Особенно хлѣба были хороши: ячмень и пшеница стояли чуть не въ ростъ человѣка. Солдаты спустились въ балочку, гдѣ были сады, оборвали яблоки и курагу, а нѣкоторые забрались въ сакли и конечно вынесли оттуда все, что заслуживало вниманія. Такъ какъ жители не вышли, по обыкновенію, съ покорностью навстрѣчу нашему начальству, то генералъ приказалъ косить ячмень на фуражъ, для чего въ хлѣбахъ и остановлены были все войска, кромѣ 21-го стрѣлковаго, нашего своднаго баталіоновъ и части мусульманскаго полка, назначенныхъ въ летучій отрядъ. Мы тронулись съ привала напрямикъ и, пройдя хлѣбами версты двѣ, очутились у крутого спуска къ рѣкѣ Андійское Койсу. Спускъ былъ такъ крутъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лошадей спускали, подерживая за хвостъ. Поминутно изъ-подъ ногъ обрывались камни и съ шумомъ летѣли внизъ. Ими ранило въ ноги двухъ стрѣлковъ 21-го баталіона, да одну лошадь пришибло довольно сильно. Правѣе, по другую сторону оврага, изъ-за горы показалась довольно значительная партія горцевъ и, увидя насъ, спускавшихся къ рѣкѣ, понеслась къ намъ. Впереди скакали удалыцы со значками, на прекрасныхъ коняхъ, за ними, въ разноцвѣтныхъ черкескахъ и на разношерстныхъ коняхъ, мчались въ безпорядкѣ остальные. Но мы уже спустились, и за высокой горой я не видѣлъ, куда дѣвалась эта партія. На площадкѣ намъ приказано было отдохнуть. По ту сторону оврага лежали стрѣлки 21-го баталіона и, перестрѣливаясь съ горцами, не допускали ихъ близко къ рѣкѣ. Съ площадки проводникъ повелъ насъ ближе къ рѣкѣ по направленію къ аулу Чиркату. Нашей ротѣ приказано было прикрывать горную артилерію, а 17-ю роту послали въ цѣнь. Стеннѣло. Мы легли сзади орудій, но уснуть не могли. Кругомъ камни и це-

сокъ, накалившіеся отъ знойнаго дня; къ тому же и голодъ давалъ себя чувствовать: выюки наши остались при главномъ отрядѣ, а маркитанты не спускались за нами. Тутъ я вспомнилъ, что у меня въ переметныхъ суммахъ былъ ржаной хлѣбъ; солдаты дали мнѣ котелокъ воды и соли, и я началъ ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ свой незатѣйливый ужинъ. Лежа около орудія, я слушалъ рассказы старыхъ солдатъ о походахъ и о любимыхъ генералахъ—Пассекѣ и нашемъ начальникѣ отряда, Врангелѣ. Перваго любили они за храбрость и щедрость, но говорили, что былъ очень горячъ, а второго за то, что всегда хлопоталъ о нихъ, никогда не оставлялъ безъ продовольствія, не позволялъ никому обижать ихъ и не утомлялъ переходами. Они часто называли его: „нашъ дѣдушка.“ Хвалили тоже и кн. Аргутинскаго, но говорили, что больно много ходилъ: „Ужъ какъ тронется съ мѣста, такъ идетъ чуть ли не двое сутокъ безъ привала; зато былъ справедливъ. Однажды идемъ мы на кутишинскія высоты и, разумѣется, умаялись порядкомъ, а тутъ дорога еще была грязная, а драгуны ѣдутъ это за нами и кричатъ намъ: „пѣхота не пыли.“ Досадно было намъ, и мы какъ могли огрызались; но услыхалъ шутку эту нашъ князь и заступился, сердечный, за насъ—приказалъ драгунамъ слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ. Вотъ тогда пришелъ и нашъ чередъ посмѣяться надъ пѣшею конницею.“ Вѣроятно, солдатамъ не больно легко было спать на голыхъ камняхъ, потому что всю ночь слышались разговоры.

Около меня, въ кибиткѣ изъ бурокъ, сидѣли Ракуса и Радецкій. Слышно было какъ зажгли свѣчу—бурка не пропускала свѣту—и генералъ Ракуса написалъ барону Врангелю на лоскуткѣ бумаги донесеніе: „Пришли къ Койсу вечеромъ, завалы были заняты непріятелемъ; мостъ сорванъ и дороги къ нему испорчены.“ Записку эту тотчасъ отослали съ казакомъ и просили отвѣтъ. Затѣмъ они начали вести меж-

ду собой разговоръ, и хотя говорили очень тихо, но я разслышалъ какъ генералъ сказалъ: „*Феодоръ Феодоровичъ*, главнокомандующему угодно, во что бы то ни стало взять сугратлинскую переправу и надо исполнить его приказаніе. Но трудно взять ее, очень трудно. Дорога сорвана, мостъ сожженъ и та сторона Койсу сильно укрѣплена. Придется намъ уложить до 400 человѣкъ лучшихъ людей; жаль ихъ, но надо исполнить приказаніе.“ Дальше говорилось шопотомъ и разобрать было нельзя. Невольно забилося сердце: около переправы находился одинъ только нашъ сводный баталіонъ, прочіе еще и не спускались съ горы, ожидая особаго приказанія, а такъ какъ въ нашемъ баталіонѣ 700 человѣкъ, то и выйдетъ, что въ живыхъ останется меньше половины. Сонъ отлетѣлъ отъ меня совершенно. Вызвали охотника спуститься къ рѣкѣ, измѣрить ее ширину и рассмотреть укрѣпленіе на той сторонѣ. Охотниковъ явилось нѣсколько, и генералъ, отдавъ имъ приказаніе, долго еще говорилъ шопотомъ. Я ничего не слышалъ, думая все о завтрашнемъ днѣ и предполагаемой переправѣ.

У насъ сегодня зарю не играли, чтобы не возбудить вниманія непріятеля; но у горцевъ ночью мулла завывалъ безжалостно, собирая правовѣрныхъ къ молитвѣ и совѣщанію.

15-го іюля 1859 года.

Еще до разсвѣта началась перестрѣлка между нашею цѣнью и горцами, засѣвшими по ту сторону Койсу за курганами, въ которые были воткнуты разноцвѣтные значки. На разсвѣтѣ, не умываясь, я пошелъ въ цѣнь къ 17-й ротѣ, которая лежала за бугромъ, и смотрѣлъ на перестрѣлку. Ночью правѣе цѣни построили батарею на два орудія, которыя теперь стрѣляли по курганамъ, но не совѣмъ удачно: то перелеты, то недолеты; разъ, однако, ядро попало въ самую кучку горцевъ; они выскочили изъ-за закрытія, но тотчасъ

были перебиты нашими стрѣлками. Въ цѣпи, съ ружьями въ рукахъ, сидѣли командиръ 17-й роты капитанъ Квицинскій и гвардіи шт.-кап. Кавалевъ; они стрѣляли по тѣмъ горцамъ, которые высовывали свои головы изъ-за закрытія. Я тоже взялъ ружье, улегся около нихъ и сталъ стрѣлять; разстояніе до непріятеля было не болѣе 600 шаговъ. Скоро, однако, потребовалъ меня къ себѣ мой баталіонный командиръ майоръ Балашевичъ. Онъ порядочно распекъ меня за отлучку, много горячился изъ-за пустяковъ, не пускалъ никого къ рѣкѣ за водой—говорилъ, что тамъ сейчасъ же убьютъ, а такъ какъ нѣкоторые все-таки не слушали и ходили, потому что надо же было пить что-нибудь, то онъ послалъ меня съ полувзводомъ стрѣлковъ стать на дорогѣ и никого не пропускать къ рѣкѣ. Было еще очень рано, но жара стояла невыносимая. Всѣ мы были въ рубашкахъ, а сюртуки наши носили за нами или горнисты, или цирюльники. Солдаты ходили съ полукафтанами, привязанными сзади къ патронташамъ.

Отойдя съ командою на назначенное мѣсто и выславъ на гору шкетъ, я приказалъ людямъ лечь, а самъ сѣлъ на камень и хотѣлъ срисовать гору, по которой мы вчера спустились, а теперь спускался 2-й баталіонъ нашего полка. Одинъ горецъ подкрался ко мнѣ очень близко и выстрѣлилъ; пуля просвистѣла надъ самой моей головой; не обращая вниманія, я продолжалъ рисовать, но выстрѣлъ повторился—и пуля расплющилась возлѣ меня о камень; это заставило меня прекратить свое занятіе и перемѣнить позицію моего полувзвода, расположивъ его за курганомъ. Хорошо, что въ время это сдѣлалъ: вмѣсто одного мюрида явилось нѣсколько—и началась довольно удачная пристрѣлка; самъ же стрѣлять я не могъ, имѣя приказаніе отъ баталіоннаго командира не открывать огня. Когда я рисовалъ, ко мнѣ подошелъ солдатъ, похожій на плаксиваго цесаря, и просился внизъ къ рѣкѣ, въ охотники. Полагая, что онъ желаетъ просто улизнуть изъ-подъ

пуль, я его прогналъ къ полувзводу, но потомъ, узнавъ, что это былъ юнкеръ Шпейеръ, извинился передъ нимъ и отступилъ.

Часовъ около 12-ти мимо меня проѣхалъ начальникъ авангарда г.-м. Ракуса. Въ рубахѣ, но при шашкѣ, я отранпортовалъ ему для чего здѣсь нахожусь, и онъ приказалъ мнѣ возвратиться къ своему баталіону, назначенному на смѣну 21-го стрѣлковаго баталіона, занимавшаго позицію у водопада. Генералъ Ракуса, несмотря на страшную жару, былъ въ тепломъ сюртукѣ и въ папахѣ. Между солдатами ходили толки, что онъ въ большой дружбѣ съ горцами, которые совѣтовали ему носить папаху, чтобы по этой примѣтѣ не стрѣлять въ него. Конечно, это были только однѣ солдатскія догадки. Ракуса дѣйствительно имѣлъ много пріятелей въ горахъ, однако и храбрость его была всеѣмъ извѣстна. Когда подъ Шелягами ему раздробило руку, говорятъ, онъ, сидя на барабанѣ, протянулъ ее и приказалъ тотчасъ отрѣзать. И теперь, безъ руки, онъ мужественно ѣздитъ надъ пропастями и подъ выстрѣлами непріятеля ¹⁾. Черезъ полчаса мы пошли смѣнять 21-й стрѣлковый баталіонъ. Двинулись къ спуску колонною—4-я стрѣлковая рота шла впереди, за нею 5-я стрѣлковая, 17-я и наконецъ 1-я стрѣлковая. На спускѣ баталіонъ остановился, и отсюда мы побѣжали внизъ поодиночкѣ. Пули посыпались градомъ. Уже 4-я рота спустилась къ рѣчкѣ, а наша приближалась къ ней, какъ одна изъ пуль пролетѣла надъ самой головой нашего баталіоннаго командира майора Балашевича; онъ растерялся и приказалъ горнисту играть отступление. Сигналъ повторили во всеѣхъ ротахъ—и мы возвратились опять на высоты. Пули преслѣдовали насъ немилосердно, но, къ счастью, испортили только нѣсколько ружей. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили такъ: 17-ю роту послать въ

¹⁾ Въ 1861 году генерала Ракусу понесли лошади близъ станціи Кумтеркале; онъ выпрыгнулъ изъ экипажа, но такъ неудачно, что ударился головой о камень и тутъ же скончался.

обходъ, подъ командой капитана Ывцинскаго, взводъ стрѣлковъ оставить на этой сторонѣ и подъ прикрытіемъ его, когда обойдетъ 17-я рота, двинуться на приступъ противолежащей горы. Молодецкая 17-я рота живо пробѣжала мостикъ, поднялась по тропинкѣ и, занявъ ту сторону оврага, принудила горцевъ замолчать. Остальныя роты бѣгомъ спустились къ рѣчкѣ напрямикъ. Переправа черезъ рѣку, не широкую, но очень быструю и довольно глубокую, была не безопасна. Мы взялись крѣпко за руки и стали переправляться, едва удерживаясь на ногахъ. Рядового Палку оторвало отъ общей цѣпи и чуть не унесло, но фельдфебель схватилъ его за патронташъ и вытащилъ на ту сторону. Шли по поясъ въ водѣ. За рѣчкой мы стали подыматься на крутую, чуть не отвѣсную гору, усеянную острыми камнями, которые, не выдерживая тяжести ногъ, естественно искавшей опоры, вырывались изъ грунта и съ грохотомъ летѣли внизъ, угрожая сзади идущимъ. Однимъ изъ такихъ камней едва не убило нашего добраго старика Балашевича. Я шелъ съ нимъ рядомъ, какъ вдругъ раздался голосъ горниста: „берегитесь, в. в-б-діе!“ Тотъ прилегъ къ землѣ, я инстинктивно наклонился—и черезъ насъ пролетѣлъ огромный камень. Жалко было смотрѣть на бѣднаго старика: поддерживаемый сзади баталіоннымъ старостою, онъ еле-еле взбирался по такой крутизнѣ. Наконецъ, утомившись совершенно, поднялись на гору. Тутъ разсыпали цѣпь и завязали перестрѣлку съ мюридами, которыхъ было не много; огонь ихъ былъ рѣдкій, да и тотъ скоро прекратился. Съ наступленіемъ темноты намъ дали сигналъ отступать, и мы благополучно достигли старой позиціи.

Не могу вспомнить безъ смѣха нашего стараго маіора. Когда мы поднялись на гору съ полными саногамъ воды, я, выливъ изъ своихъ воду, поднялъ къ верху ноги и хотѣлъ переобуться. Надо было видѣть какъ онъ закипятился, закричалъ: „дайте мнѣ отдохнуть, господа, вѣдь мы сейчасъ пой-

демъ на штурмъ этихъ мошенниковъ.“ Какъ мы его ни увѣряли, что на штурмъ теперь идти нельзя, что тамъ какихъ нибудь 20—30 чел. половину изъ насъ перебьютъ пока мы до нихъ доберемся, но онъ не унимался, подзадариваемый пулями, долетавшими къ намъ, несмотря на высланную цѣпь. Боясь этихъ пуль, онъ не позволялъ намъ вставать съ земли. Ноги мои страшно мерзли въ мокрыхъ сапогахъ, и я, стараясь быть незамѣченнымъ, всталъ, чтобы отойти и переобуться. Но Балашевичъ замѣтилъ и такъ крикнулъ, что перещугалъ меня: „Вы выставляете себя на цѣль и мюриды убьютъ не только васъ, но и меня, несчастнаго старика, прослужившаго 30 лѣтъ.“ Надо знать, что онъ, прослуживши 30 лѣтъ, въ первый разъ былъ въ походѣ.

По возвращеніи на старую позицію ²⁾, намъ приказали получить сухари еще на три дня и готовиться къ дальнѣйшему походу. Маркитанта у насъ не было, весь день мы питались одними только солдатскими сухарями и вотъ уже 2 дня какъ не пили чаю. Послѣ раздачи сухарей дали намъ проводника, приказали выступить и остановиться тамъ, гдѣ онъ укажетъ. Пройдя внизъ по теченію рѣки версты 2—3 въ полнѣйшей тишинѣ, мы были остановлены, съ приказаніемъ не шумѣть и ждать пока не потребуютъ на переправу. Духота здѣсь была просто невыносимая; ночь—хоть глазъ выколи. Впереди саперы строили батарею, но ихъ голоса и стукъ кирокъ не доходили до непріятеля, который находился отъ насъ, какъ говорили, не болѣе какъ въ 150-ти шагахъ: шумъ Койсу все заглушалъ. Около насъ остановился 2-й баталіонъ нашего полка, а выше и лѣвѣе расположились стрѣлки 21-го стрѣлковаго баталіона. Со стороны непріятеля, несмотря на темноту, выстрѣлы, нѣтъ-нѣтъ, да раздавались. Ночь прошла въ ожиданіи и мы не спали.

²⁾ 2-й баталіонъ нашего полка туда не перешелъ; вмѣсто него мы нашли на позиціи 2-й баталіонъ ширванцевъ.

16-го июля, четверг.

Передъ разсвѣтомъ намъ приказали спускаться по узенькой тропинкѣ къ Койсу. 2-й баталіонъ и первыя двѣ роты нашего баталіона спустились бѣгомъ поодинокѣ, не замѣченныя горцами, 3-ю роту начали обстрѣливать, а нашей было еще хуже—мы шли сзади всѣхъ, когда совершенно разсвѣло и горцы пристрѣлялись. Они сидѣли за скалами по ту сторону рѣки, въ разстояніи 50-ти шаговъ; говорили, что у насъ убыло болѣе 30-ти человѣкъ. Пули жужжали какъ огромный рой пчелъ; ударяясь въ скалу, онѣ расщипывались и отбивали кусочки каменьева, которыми осыпало насъ какъ пескомъ. Впереди меня бѣжалъ прапорщикъ Сулейманъ Ростомбековъ, мой товарищъ по ротѣ; его контузило пулей въ правую руку; онъ схватился за нее, побѣжалъ еще скорѣе и всю дорогу бранился. На этомъ же мѣстѣ контузило и меня, хотя довольно легко. Миѣ показалось, что кто-то приложилъ къ моей шеѣ уголь или зажженую панипровку. Я совсѣмъ забылъ про свою контузію когда мы пришли на мѣсто и миѣ приложили нѣсколько разъ какой-то живительный пластырь. Внизу насъ завели въ балку, скрывавшую отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и приказали лечь; но и тутъ не было покоя. Одна пуля снавѣсу попала въ щеку солдата и прошла насквозь, другая ударила въ грудь нашему унтеръ-офицеру Гржебитоку. Онъ приподнялся, поблѣднѣлъ и сейчасъ же опустился на землю; изъ раны между реберъ потекла кровь. Счастье, что пуля ударила въ толстую перевязь на груди и, ослабленная, остановилась между ребрами; ее тутъ же вынули, а рану перевязали бинтами. Наскучило миѣ лежать въ бездѣйствіи; притомъ духота и удушливый запахъ ущелья тянули на свѣжій воздухъ, къ рѣчкѣ. Тамъ устраивали мостъ; но бревна, привезенныя изъ Буртуная, оказались короткими—и всѣ труды напрасно пропали. Около рѣки стояли генералъ Ракуса, полковникъ Радецкій и

подполковникъ Девель. Всѣ они о чемъ-то вели оживленный разговоръ. Мнѣ особенно понравился мой полковой командиръ. Онъ отдавалъ приказанія адъютанту нашего баталіона прапорщику Чернятину такъ хладнокровно, будто у себя въ кабинетѣ, не обращая вниманія на свистъ пуль, летавшихъ вокругъ него. Когда одна изъ нихъ попала въ сапогъ Черятина и тотъ присѣлъ, Радецкій спокойно спросилъ: „васъ ранили?“ и, узнавши, что только контузило, продолжалъ на томъ же мѣстѣ и съ такимъ же хладнокровіемъ отдавать приказанія. Поручикъ А. П—въ стоялъ въ широкихъ лезгинскихъ шароварахъ неподалеку отъ меня и курилъ папирску. Пуля попала ему между ногъ и, прорвавъ шаровары въ нѣсколькихъ мѣстахъ, осталась въ нихъ. Онъ только плюнулъ, стряхнулъ ногами и остался на мѣстѣ, отбиваясь отъ шутокъ товарищей. Хладнокровіе всѣхъ заставило меня пренебречь опасностью, и я пошелъ дальше. На противоположномъ берегу рѣки, въ скалѣ, была довольно большая пещера, въ которой сидѣли горцы, поражая насъ своимъ огнемъ. Когда я спустился къ рѣкѣ, выстрѣлы прекратились, водворилась тишина, и только было слышно какъ всадники конно-иррегулярнаго полка переговаривались съ ними о сдачѣ. Мюридамъ указывали на неминуемую гибель и обѣщали полную неприкосновенность, даже деньги, если они сдадутся и прикрѣпятъ канатъ, который будетъ брошенъ съ этой стороны рѣки. Конечно, мюриды знали, что совершенно отрѣзаны, что ложементы и батареи, расположенные на нашемъ берегу, не позволятъ имъ ни выйти безнаказанно изъ пещеры, ни подойти къ нимъ подкрѣпленіямъ. Они понимали также, что въ эту ночь русскіе уже не станутъ бездѣйствовать, какъ въ прошлую, и что имъ не будетъ пощады, если ихъ возьмутъ силою. А тутъ обѣщаютъ помилованіе да еще 200 рублей, только требуютъ поймать и привязать веревку! Конечно, это ихъ соблазнило. Любопытное зрѣлище представилось, когда эти красныя бороды,

въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и чохахъ, съ нависшими бровями и съ насунувшимися вѣками, одинъ за другимъ вылѣзли изъ своей норы. Они усѣлись возлѣ пещеры на камняхъ и были такъ близко отъ насъ, что мы ихъ отлично могли разглядѣть. На виду сидѣлъ, повидимому, старшій изъ нихъ, широкоплечій мужчина, въ чалмѣ, съ ярко-красной бородой; онъ главнымъ образомъ и велъ переговоры.

Между тѣмъ къ берегу стянули нѣсколько ротъ, которыя носили камень и бросали въ одно мѣсто, чтобы сдѣлать пристань для предполагаемаго моста. Лѣвѣе пещеры, гдѣ сидѣли горцы, шагахъ въ 80-ти отъ нея, расло довольно большое дерево; вотъ къ этому-то дереву и хотѣли прикрѣпить канатъ, а по немъ переправить на ту сторону людей для укрѣпленія моста. Мюридовъ было 20 человекъ. Послѣ переговоровъ они размѣстились вдоль противоположнаго берега, ожидая когда съ нашей стороны бросятъ канатъ. Мы кинули веревку, но неудачно; бросили во второй и третій разъ—результатъ тотъ же; пробовали на разные лады—все безуспѣшно. Надо было видѣть комичныя фигуры мюридовъ, когда они съ растопыренными руками старались поймать веревку. Генераль Ракуса, видя бесполезность новыхъ усилій и не довѣряя мюридамъ, вызвалъ желающихъ переправиться на ту сторону вплавь. Смотри на бѣшеное Койсу, трудно было представить себѣ, чтобы кто нибудь рѣшился на такой смѣлый подвигъ. Рѣка текла между огромными камнями и такъ быстро, что голова кружилась, а шумъ отъ разсѣкавшейся воды о каменья и брызги, летѣвшія во все стороны, наводили какой-то невольный ужасъ. Вызовъ, однако, достигъ своей цѣли: нѣсколько охотниковъ выступило впередъ. Первымъ явился рядовой 8-й роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка Сергѣй Кочетковъ. Онъ посмотрѣлъ на рѣку и сказалъ: „Переплыть черезъ нее трудно—очень быстра и шириною-то аршинъ 40 или 50; но я бродяга, у меня нѣтъ ни роду, ни племени,—дай-ка по-

пробую услужить Государю.“ Онъ отошелъ выше переправы шаговъ на сто, раздѣлся, перекрестился и бросился въ рѣку. Глаза всѣхъ невольно обратились на смѣльчака, который, обладая большою силою и ловкостью, смѣло боролся съ теченіемъ. Послѣ каждаго взмаха руки его относило по теченію шаговъ на пять. Вотъ онъ уже у противоположнаго берега, уже хватается за скалу, но волна съ силой ударяетъ въ него и уноситъ отъ берега... Всѣ ахнули и сочли его погибшимъ; но онъ не потерялся: нѣсколькими взмахами рукъ опять приблизился къ берегу, опять схватился за выступъ скалистaго берега и быстро вскочилъ на берегъ. „Ура“ передового отряда привѣтствовало молодца, а онъ, голый, побѣдоносно направился къ дереву, къ которому предполагалось прикрѣпить канатъ. Ему предстояло пройти мимо вѣроломныхъ горцевъ, а потому всѣ опасались за его жизнь. Но онъ шагаль смѣло, поравнявшись, поздоровался съ ними и благополучно подошелъ къ дереву... За этотъ поистинѣ безстрашный подвигъ ему простили штрафъ, произвели въ унтеръ-офицеры и наградили знакомъ военнаго ордена 2-й степени. Кочеткову начали перебрасывать бичевку, но какъ ни старались, не могли добросить ее и до середины рѣки. Рѣшили перебросить прежде нитку, потомъ къ ней привязать бичевку, къ бичевкѣ веревку, а къ веревкѣ канатъ. Когда и тутъ дѣло не подвинулось впередъ, юнкеръ 6-й роты Дагестанскаго полка Асланъ-бекъ-Агаевъ вызвался переплыть съ бичевой. Онъ раздѣлся, обвязалъ себя бичевою и кинулся въ воду. Вначалѣ, съ свѣжими силами, Агаевъ еще боролся съ бурнымъ потокомъ рѣки, но вотъ набѣгаетъ волна и опрокидываетъ его; онъ борется изъ послѣднихъ силъ, уже достигъ до середины, но новая волна, еще сильнѣйшая, охватываетъ его и съ неимовѣрной силой бросаетъ назадъ къ берегу. Вторая попытка его была такъ же неудачна, и онъ, обезсиленный, уже не рѣшился снова рисковать своей жизнью. Третьимъ охотникомъ явился

юнкеръ нашей роты Николай Шнейеръ, тотъ самый, котораго я принялъ за писаря. Онъ отважно бросился въ волны, мужественно и съ силою преодолювалъ ихъ напоръ и благополучно миновалъ середину рѣки; вотъ уже и берегъ близко; еще одинъ, два взмаха руками—и онъ ухватился за скалу. „Ура“ готово была вырваться у насъ, но Шнейеръ не удержался, руки его скользнули и онъ, сильно ударившись головой о скалу, упалъ въ воду. Волна накрыла его, потомъ вынесла кверху, снова набѣжала—и онъ скрылся изъ нашихъ глазъ. Всѣ сотворили крестное знаменіе и сочли Шнейера погибшимъ. Спусти четверть часа, въ то время какъ опять принялись за бросаніе нитки, на той сторонѣ рѣки показался голый человѣкъ, направлявшійся къ Кочеткову. Это былъ Шнейеръ. Его несло около четверти версты, потомъ какимъ-то счастливымъ случаемъ онъ ухватился за скалу и выбрался на берегъ. Все тѣло его было исцарапано и покрыто кровью, но, гордый сознаниемъ выполненной задачи, онъ имѣлъ сіяющій видъ. Шнейеръ подошелъ къ Кочеткову и они общими усиліями начали ловить нитку. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ имъ посчастливилось поймать конецъ. Единогласное „ура“ вырвалось изъ груди бывшихъ на переправѣ. Сейчасъ же къ концу нитки былъ привязанъ конецъ бичевки и ее осторожно начали перетягивать на тотъ берегъ. Къ несчастью, бичевка оказалась короткой. Если къ ней сразу привязать веревку, то пожалуй конецъ нитки, еще оставшійся около того берега, не выдержитъ тяжести и порвется. Надо было придумать что нибудь, и вотъ офицеры нашли: отрѣзали тонкія кожаныя портупей отъ азійскихъ шашекъ и ими подвязали бичевку. Первый показалъ примѣръ нашъ капитанъ Шарыгинъ. Такимъ образомъ, благодаря находчивости и общимъ стараніямъ, канатъ былъ перетянутъ на тотъ берегъ и укрѣпленъ къ дереву. По сую сторону около каната работали: адъютантъ Старосельскій и наши офицеры—Пушкинъ, Исайскій, Шарыгинъ, Боридкій и я.

Не успѣли мы еще хорошенько укрѣпить канатъ, какъ мюриды быстро, одинъ за другимъ, скрылись въ пещеру и открыли по насъ огонь. Увлеченные перебрасываніемъ нитки, а потомъ укрѣпленіемъ каната, сначала мы не замѣтили какъ они спрятались обратно, да, правду говоря, въ эту минуту почти и забыли о нихъ, но раздавшіеся выстрѣлы напомнили, что мы не одни. Первымъ выстрѣломъ убило наповаль мусульманскаго всадника; другая пуля ударила въ животъ нашему солдату; третья—солдату въ ротъ, выбила ему зубы и вышла въ затылокъ; кровь запеклась у него во рту, такъ что несчастный не могъ ни говорить, ни дышать. Работы пріостановились. Каждую минуту у насъ убывало нѣсколько чело-вѣкъ, и солдаты начинали робѣть; но начальство нашлось: подали сигналъ „стрѣлять,“ приказали намъ стать за скалу, втащили на гору горныя орудія и изъ нихъ пустили въ пещеру нѣсколько гранатъ съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ. Стрѣлки, расположенные на высотахъ, тоже не зѣвали: горцы не могли даже носа показать изъ пещеры, и стрѣльба ихъ затихла. Мы принялись опять за дѣло, и вскорѣ канатъ былъ укрѣпленъ однимъ концомъ къ толстому дереву, а другимъ, на нашей сторонѣ, къ высокимъ козламъ, сдѣланнымъ изъ брусевъ. Оставалось только послать на ту сторону солдатъ съ оружіемъ, чтобы выгнать изъ пещеры горцевъ. Были вызваны охотники, которыхъ оказалось много. Первый изъ нихъ полѣзъ по всеѣмъ правиламъ гимнастики, хватаясь за канатъ руками и ногами, но на полпути вдругъ остановился, опустил ноги и старался съ помощью однихъ только рукъ добраться до той стороны. Тяжесть ружья и аммуниціи тянула его однако книзу; выбиваясь изъ силъ, онъ обратилъ лицо свое къ намъ и глазами просилъ помощи. Но какъ ему было помочь? Послать другого—значило и его погубить; и вотъ пришлось безмолвно, съ томленіемъ смотрѣть на безпомощное состояніе несчастнаго храбреца. Долго держался онъ на веревкѣ; быстрое теченіе со-

рвало съ его ногъ походные сапоги, а потомъ и онъ оборвался съ каната. Падая, онъ быстрымъ движеніемъ руки сбросилъ съ себя ружье и потомъ долго боролся съ рѣкой, пока та его не поглотила. Говорили, что его изъ пещеры ранили пулей въ ногу. Гибель товарища поколебала самыхъ храбрыхъ людей: никто не рѣшался повторить опасный опытъ. Насъ выручила, однако, смѣтливость солдатъ. Одинъ изъ нихъ придумалъ родъ люльки, съ помощью которой удобно и скоро можно было переправляться поодиночкѣ на ту сторону. Изъ гибкаго хвороста онъ связалъ два обруча, которые надѣлъ на канатъ, а внизу къ этимъ обручамъ прочно прикрѣпилъ доску. Переправляющійся ложился спиной на доску и, перебирая руками по канату, подвигался вмѣстѣ съ люлькой впередъ. Выдумка не только удалась, но ее тутъ же и усовершенствовали: привязали къ обоимъ концамъ люльки по веревкѣ и ими перетягивали ее съ одного берега на другой. Изобрѣтатель за свою находчивость былъ награжденъ полковникомъ Радецкимъ 15-ю рублями. На этой доскѣ, такъ и прозванной „люлькой“, переправились съ оружіемъ на ту сторону 15 солдатъ и 13 всадниковъ мусульманскаго полка, при двухъ офицерахъ: прапорщикѣ 21-го стрѣлковаго баталіона А. Н. Туркестановѣ и хорунжемъ мусульманскаго полка Кайтуки-Тюленевѣ. Первый изъ нихъ взялъ съ собою солдатское ружье и патронташъ.

Во время этой переправы выстрѣлы изъ пещеры хотя и раздавались рѣже, но совсѣмъ еще не умолкли. Благодаря близкому разстоянію, горцы били на выборъ, и у насъ ежеминутно убывали люди. У стоявшаго неподалеку отъ меня всадника мусульманскаго полка, курившаго трубку, пуля, ударившись о скалу и разлетѣвшись вдребезги, выбила изъ рукъ трубку. Онъ сморщился, плюнулъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „шайтанъ пуля: рука кушалъ, трубка кушалъ и борода кушалъ.“ Оказалось, что одной и той же пулей его легко ранило въ руку и въ щеку и, выбивъ трубку, испортило

ее, за что онъ крѣпко сердился и плевалъ. Когда послѣдній изъ тридцати охотниковъ переправился на ту сторону, подали сигналъ „перестать стрѣлять.“ Наступилъ часъ расплаты съ вѣроломнымъ противникомъ. Тридцать человѣкъ, перекрестившись, бросились къ пещерѣ—и завязался упорный бой. Сначала стрѣляли въ пещеру изъ ружей и пистолетовъ, но скоро, примкнувъ къ ружьямъ штыки, кинулись въ рукопашную, бросая по дорогѣ въ пещеру камни. Юнкера милиціи Алхазова ранили въ голову; кровь полилась по лицу, и мы видѣли какъ онъ, сидя на берегу, промывалъ рану. Дрались какъ львы. Вотъ уже въ пещерѣ огонь совершенно затихъ, вотъ и всѣ почти наши углубились въ пещеру; еще минута, двѣ—и стали выносить оттуда убитыхъ и раненыхъ горцевъ. Одинъ изъ нихъ еще по отбою бросился бѣжать изъ пещеры, обвѣшавъ себя какими-то торбами, но въ 30-ти шагахъ отъ пещеры былъ уложенъ на землю нашими стрѣлками. Раненый, не имѣя силъ бѣжать, онъ все-таки старался ползти впередъ, пока одинъ изъ охотниковъ не произвелъ его нѣсколько разъ штыкомъ. Другой изъ вытащенныхъ горцевъ, живой и невредимый, широкоплечій мужчина огромнаго роста, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ, снялъ папаху и, кланяясь намъ на эту сторону, просилъ пощады. Всѣ съ невыразимымъ презрѣніемъ смотрѣли на него и начали кричать, чтобы его убили. Услышавъ и понявъ, должно быть, наши слова, онъ быстрымъ движеніемъ схватилъ милиціонера за черкеску и силился увлечь его съ собою въ бѣшеную рѣку. Къ счастью милиціонера, стоявшіе сзади горца солдаты выстрѣлили въ него въ упоръ, такъ что черкеска на немъ загорѣлась, а потомъ прикололи его штыками. Та же участь постигла и другихъ двухъ его товарищей; оставили въ живыхъ одного только мальчика лѣтъ 16-ти, раненаго въ ногу: онъ оказался родственникомъ одного милиціонера и тотъ упротсилъ не убивать его. Кажется, осколкомъ гранаты ему отор-

вало пятку; ходить онъ не могъ, и его на носилкахъ перенесли на перевязочный пунктъ. Имущество горцевъ охотники раздѣлили между собою. Шпейеръ и Кочетковъ взяли себѣ лучшія черкески, какъ имѣвшіе на нихъ больше правъ; никто этому не препятствовалъ, и они цѣлый день въ нихъ щеголяли. Убитыхъ мюридовъ сначала разложили въ рядъ на берегу, а потомъ одного за другимъ побросали въ Койсу. Всѣ они были изъ одного аула Харачая, жителямъ котораго Шамиль приказалъ во что бы ни стало охранять этотъ пунктъ переправы, грозя въ противномъ случаѣ раззорить до тла ихъ аулъ.

Покончивъ съ горами, начали думать о переправѣ. Раненыхъ съ той стороны въ той же люлькѣ перевезли на нашу сторону, а вмѣсто нихъ послали туда десять стрѣлковъ Дагестанскаго полка и восемь саперъ съ шанцевымъ инструментомъ для расчистки тропинки на томъ берегу. Начальство надъ охотниками и саперами на той сторонѣ принялъ переправившійся туда штабсъ-капитанъ Дагестанскаго полка Константинъ Исайскій, а Туркестановъ и Кайтуки-Тюленевъ возвратились къ своимъ частямъ. Переправой туда и обратно, по распоряженію полкового командира, завѣдывалъ я. Часу въ шестомъ пополудни дальнѣйшая переправа была приостановлена генераломъ Ракусой, по мнѣнію котораго канатъ настолько перетерся, что грозилъ оборваться и причинить несчастье. Привязавъ доску, я пошелъ къ своему баталіону, скрытому отъ выстрѣловъ въ ущельи, и отъ усталости прилежъ на незанятомъ мѣстѣ. Цѣлый день я ничего не ѣлъ, а ѣсть хотѣлось страшно. Съ трудомъ добылъ себѣ за деньги у одного изъ солдатъ два кусочка сухаря, и то благодаря тому, что солдатъ былъ нашей роты и, видно, сжался надо мной. Маркитанты и глазъ не показывали. Я лежалъ на свѣжемъ, даже немного сыромъ щебнѣ; это удивило меня, такъ какъ день былъ очень жаркій. Оказалось, что здѣсь

только-что зарыли трехъ солдатъ, убитыхъ при переправѣ. Конечно, пришлось удалиться съ этой свѣжей могилы. Прележавъ не болѣе часу, мы потянулись вверхъ на старую позицію. Идя за ротой и вглядываясь въ расположеніе непріятельскихъ заваловъ, я замѣтилъ, что на одномъ изъ нихъ высоко поднимаютъ на ружьѣ панаху—сигналъ къ переговорамъ. Я остановился, желая посмотрѣть чѣмъ это все кончится. Наше начальство подало сигналъ къ прекращенію стрѣльбы, и его повторили нѣсколько разъ, такъ какъ на пересѣченной мѣстности онъ не былъ слышанъ всѣми сразу и выстрѣлы все еще повторялись. Но вотъ все замолкло; семь хорошо одѣтыхъ горцевъ вышли изъ-за заваловъ и, подойдя къ крутому берегу, сѣли на корточки, не рѣшаясь спуститься къ рѣкѣ. Наши переводчики кричали имъ, чтобы они спускались по тропинкѣ, а если вздумаютъ улизнуть, то ихъ всѣхъ перебьютъ. Они сидѣли и, казалось, вели о чемъ-то между собою разговоръ; потомъ вдругъ вскочили и бросились въ балку. Наши стрѣлки не ждали сигнала: ихъ пули полетѣли въ догонку и уложили одного изъ горцевъ, который поползъ въ кусты. Послѣ уже я узналъ, что это были старшины окрестныхъ ауловъ; ихъ было восемь человѣкъ, но одного изъ нихъ наши стрѣлки убили въ то время, когда тотъ махалъ панахой.

Любопытство, заставившее меня прослѣдить ходъ переговоровъ съ горцами, чуть не стоило мнѣ жизни. Догоняя свой баталіонъ, который уже скрылся у меня изъ виду, я сбился съ дороги и пошелъ по нижней тропѣ, совершенно открытой для выстрѣловъ. Пули жужжали вокругъ меня какъ пчелы. Впереди шелъ нашъ унтеръ-офицеръ; пуля ударила ему въ ногу, раздробила кость и засѣла въ мякоть. Меня ожидала та же участь, но, къ счастью, на этой же тропѣ, за завалами, лежала рота 21-го стрѣлковаго баталіона, и я услышалъ знакомый голосъ одного изъ офицеровъ, звавшего меня

за укрытіе. Я поспѣшилъ конечно туда и пролежалъ за заваломъ около часу. Тѣмъ временемъ въ баталіонѣ хватились меня и, думая, что я убитъ, послали искать, но вскорѣ нашли цѣлымъ и невредимымъ. Выслушавъ выговоръ отъ стараго маіора и приказаніе его занять тотъ самый завалъ, гдѣ я только-что находился, я взялъ свой взводъ и потянулся гуськомъ по знакомому уже мѣсту. Чтобы горцамъ труднѣе было цѣлить, я рассчиталъ моихъ людей позвенно, указалъ каждому звену, какое занять мѣсто и послалъ ихъ вразсыпную. Повѣривъ потомъ ихъ расположеніе, я отправился на батарею и легъ отдохнуть. Тамъ лежали два артиллериста. Одинъ изъ нихъ, кажется капитанъ, бывшій въ Севастополѣ, рассказывалъ другому, поручику Г., о сегодняшнемъ днѣ, сравнивая севастопольскія войска съ кавказскими. По его мнѣнію, кавказскія войска переносятъ труды неизмѣримо больше, а храбрость, находчивость, смѣлость неустоимы и любовь къ начальникамъ просто изумляютъ его — лучше нашей арміи онъ не видалъ. Я молча и съ гордостью слушалъ эти похвалы. Поручикъ Г., старый кавказскій офицеръ, началъ рассказывать о другихъ походахъ, но тутъ подошелъ ко мнѣ мой унтеръ-офицеръ и доложилъ, что одного стрѣлка изъ моего взвода ранило въ голову; необходимо было отдать приказаніе. Возвратившись опять на батарею, я не засталъ уже капитана-севастопольца; только поручикъ Г. съ юнкеромъ хлопотали около орудій, изъ которыхъ одинъ за другимъ раздался два выстрѣла. Всмотрѣвшись, я увидѣлъ, что, по призыву муллы, горцы собрались въ одно мѣсто для совершенія вечерняго намаза и этимъ ввели въ большой соблазнъ храбраго поручика, который рѣшилъ воспользоваться удобной минутой. Выстрѣлы произвели переполохъ у правовѣрныхъ, но поручику не дали развернуться какъ слѣдуетъ: пришелъ кто-то изъ старшихъ артиллеристовъ, распекъ его и приказалъ больше не стрѣлять. Поздно вече-

ромъ, часовъ въ десять, ко мнѣ ползкомъ подкрался денщикъ моего ротнаго командира и поставилъ передо мной кострюлю съ гречневой кашей, а изъ кармана высыпалъ нѣсколько сухарей. Это былъ подарокъ отъ ротнаго командира за мою исполнительную службу, и конечно я оказалъ должное вниманіе этому подарку. Въ нѣсколько минутъ кострюля была пуста, и денщикъ, награжденный абазомъ, возвращался на бивакъ. Черезъ часъ пришла на смѣну моему взводу рота 21-го стрѣлковаго баталіона и я, въ темнотѣ, безъ всякой потери благополучно вернулся на бивакъ. Ночью спалъ какъ убитый.

17-го іюля; пятница.

Завязавшаяся съ разсвѣтомъ перестрѣлка разбудила меня, и я, наскоро умывшись, сталъ разсматривать расположеніе непріятеля. За рѣкой, довольно впрочемъ далеко отъ насъ, виднѣлись завалы, сдѣланные изъ камня, за которыми сидѣли горцы; тамъ и сямъ были расположены траншеи, а изъ-за бугровъ, нѣтъ-нѣтъ, да высывался разноцвѣтный значекъ мюридовъ. День былъ невыносимо жаркій. Всѣ мы ходили въ одиѣхъ рубахахъ и отъ жары не находили себѣ мѣста; а тутъ, какъ на зло—не одного деревца, не одного большого камня. Однако и этотъ зной не помѣшалъ намъ, въ шесть часовъ утра, наброситься на принесенный обѣдъ какъ дикимъ звѣрямъ на добычу; борщъ съ кислотою и сушеною капустой показался вкуснѣе самаго гастрономическаго блюда: три дня мы не имѣли горячей пищи. Такой ранній часъ обѣда объяснялся неизвѣстностью, пойдѣмъ ли мы дальше или будемъ отходить. Генералъ Ракуса, видя съ какимъ трудомъ переправили на ту сторону 30 человѣкъ и какъ затянулась ихъ переправа, рѣшилъ, что толку изъ этой переправы для отряда не будетъ. Но нашъ полковой командиръ предлагалъ устроить мостъ изъ канатовъ по которому можно было бы

скоро и безъ особеннаго затрудненія переправить весь отрядъ. Какъ бы тамъ ни было, а у насъ позабрали всѣ коновязи и недоуздки для предполагаемаго моста.

Въ 7 часовъ утра Шамиль выставилъ противъ насъ одно орудіе и сталъ стрѣлять камнями и гранатами. Хотя, по дальности, снаряды до насъ не долетали, но нельзя было не удивляться тому разстоянію, на которое они перебрасывались. По предположенію артилерійскихъ офицеровъ, горцы сыпали тройной зарядъ пороха въ орудіе, а мы смѣялись, что онъ мѣряетъ его не иначе какъ папайхой. Только 2 или 3 выстрѣла ихъ были удачны, и то пострадали войска, расположенныя на передовой позиціи. Однимъ выстрѣломъ оторвало руку солдату; другимъ граната попала въ денщичую палатку маіора Г., на передовой позиціи, перебила посуду и ранила маіорскаго пѣтуха въ голову; третьимъ выстрѣломъ оторвало ногу у лошади, пасшейся въ табунѣ. Были и неудачные выстрѣлы. Направилъ непріятель свое орудіе на рѣку, гдѣ устраивался въ это время мостъ для переправы, но его граната попала въ траншею своихъ же мюридовъ и разорвалась. Они выскочили изъ-за прикрытія, но тутъ же были перебиты нашими стрѣлками. Любопытнѣе всего было наблюдать какъ Шамиль маневрировалъ съ своимъ орудіемъ. Онъ не стоялъ открыто съ нимъ во время стрѣльбы, а тихонько выкатывалъ его изъ-за бугра только для выстрѣла. Выкатить тайкомъ, выстрѣлить—и опять скорѣе орудіе спрячетъ за бугоръ. Эта стрѣльба, только веселила солдатъ, постоянно вызывая шутки и смѣхъ. Едва покажется изъ-за бугра орудіе, какъ уже раздается крикъ: „ребята, мотри, претъ! ей-ей, претъ!“ а послѣ выстрѣла: „мотри, мотри! стрѣльнулъ, окаанный!“ Одно ядро ударилось позади насъ въ скалу. Всѣ пріутихли и ждали разрыва; но его долго не было; тогда одинъ изъ солдатиковъ преспокойно полѣзъ на гору, взялъ гранату, принесъ товарищамъ и сказалъ: „вотъ вамъ, братцы, гостинецъ прислалъ Шамиль Иванычъ!“

Такъ, ничего не дѣлая, пролежали мы на этой позиціи до двухъ часовъ дня. Въ это время прошелъ мимо насъ 2-й баталіонъ ширванцевъ, потомъ 2-й баталіонъ дагестанцевъ, а затѣмъ потребовали и нашъ сводно-стрѣлковый баталіонъ. Насъ повели къ переправѣ. Стрѣлба непріятеля возобновилась со всѣхъ заваловъ и траншей, и съ такой силой, что наносила намъ значительный уронъ. На переправѣ мы были удивлены, увидѣвъ переброшенный на ту сторону мостъ, сплетенный изъ веревокъ, шириною около аршина. Съ нашей стороны онъ былъ прикрѣпленъ къ брусьямъ, придавленнымъ камнями, а на той сторонѣ—къ пещерѣ, гдѣ наканунѣ такъ храбро дрались наши охотники. Онъ былъ почти готовъ, и молодцы-саперы бѣгали по немъ какъ по дорогѣ, несмотря на то, что онъ подъ ихъ ногами гнулся и качался. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, при насъ устроили съ обѣихъ сторонъ перила изъ двухъ канатовъ, по одному съ каждой стороны, протянутыхъ вдоль моста и къ нему прикрѣпленныхъ. Когда это приспособленіе было окончено, нашему баталіону приказано переправиться на ту сторону. Каждую роту выстраивали во фронтъ, и мы поодиночкѣ переходили мостъ, который подъ тяжестью даже одного человѣка сильно качался. Первымъ перешелъ очень бодро и молодецкато нашъ командиръ полка, по предложенію и даже по настоянію котораго былъ сооруженъ этотъ мостъ. Ставъ на противоположномъ берегу, онъ все время наблюдалъ за нашей переправой. За нимъ перешла вся стрѣлковая рота, потомъ и наша. Когда очередь дошла до меня, я смѣло сталъ на плетенку и пошелъ впередъ. Глядя на другихъ, мнѣ казалось, что трудности особенной тутъ нѣтъ никакой. Но вотъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я почувствовалъ, что мои ноги начинаютъ скользить по веревкамъ и перевитому между ними хворосту; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ веревки подъ давленіемъ ноги расходились и я едва вытаскивалъ ноги; разъ чуть не провалился. Вижу, дѣло не совсѣмъ легкое. Отъ качанія вере-

вокъ я переваливался со стороны въ сторону и, дойдя до середины моста, отъ этого качанія да отъ быстрого теченія воды подъ ногами, которая мелькала передъ моими глазами, у меня закружилась голова и мнѣ казалось, что меня вмѣстѣ съ мостомъ куда-то далеко уноситъ. Я остановился и навѣрно упалъ бы, еслибы не услышалъ громкій голосъ моего добраго ротнаго командира: „Идите, идите смѣлѣй!“ Я какъ бы очнулся и съ закрытыми глазами, оцупую, сталъ подвигаться впередъ. На томъ берегу меня подхватили офицеры и вытащили наверхъ, гдѣ я совершенно пришелъ въ себя. Я направился къ 1-й стрѣлковой ротѣ, для чего надо было пройти мимо пещеры, въ которой сидѣли горцы, и, Боже, что я увидѣлъ тамъ! Всюду были разбросаны осколки и куски пуль, на камняхъ здѣсь и тамъ виднѣлись слѣды расплюсчившагося свинца, а въ иныхъ мѣстахъ запекшаяся кровь. По этимъ признакамъ можно было заключить, что многіе изъ горцевъ нашли свою смерть въ этой пещерѣ раньше того какъ наши охотники добрались до нее. Я взялъ у солдата кирку и выбилъ на скалѣ памятное для этой пещеры число: „17-го іюля 1859 года,“ а потомъ сталъ смотрѣть на дальнѣйшую переправу. Не у меня одного кружилась голова. Были слабонервные, которыхъ саперы переводили за руки. Генерала Ракусу, какъ однорукаго, они перевязали веревками и перенесли на рукахъ. У поручика Асѣва зацѣпилась шашка и клинокъ, выскочивъ изъ ноженъ, упалъ на мостъ; онъ спокойно нагнулся, поднялъ, вложилъ обратно въ ножны и перешелъ благополучно. У поручика Пагирева клинокъ упалъ въ воду, что заставило его купить азійскую шашку. Зато хладнокровіе иныхъ было просто удивительно.

Переправа хоть и подвигалась, но не очень быстро. На общемъ совѣтѣ высшаго начальства рѣшили послать нашъ баталіонъ на гору, гдѣ и ждать переправы остальныхъ баталіоновъ. Уже смеркалось, когда мы по тропинкѣ потянулись въ

гору. Путь былъ тяжелый, тропинка очень узкая и росшій по краямъ ея боярышникъ своими колючками жестоко насъ царапалъ. Пока мы подымались, только одинъ выстрѣлъ прогудѣлъ въ ущельи. Мы радовались, что безъ потерь добрались до мѣста, но старые кавказцы говорили, что эта тишина не передъ добромъ, что въ это время, вѣроятно, готовится для насъ „хорошая закуска.“ Чтобы непріятель не могъ остаться нами незамѣченнымъ, еще до выхода на вершину намъ было приказано поротно развернуться вдоль оврага. Начинало темнѣть. Черезъ мостъ переходили послѣднія двѣ роты 2-го баталіона дагестанцевъ, и мостъ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Съ горы видъ былъ чудесный на эту иллюминацію.

Насъ остановили, приказали лечь и строго запретили спать; но многіе до того устали, что не могли преодолѣть сна. Ихъ расталкивали, но они съ трудомъ просыпались. Такъ и прошла ночь, безъ сна, въ напряженномъ, томительномъ ожиданіи. Передняя шеренга лежала съ взведенными курками.

18-го іюля, суббота.

Съ разсвѣтомъ насъ подняли, продвинули впередъ и перестроили въ ротныя колонны. Впереди баталіона разсыпали цѣпь отъ нашей роты, а въ нее назначили меня. Правду сказать, не очень весело было идти впереди всѣхъ на штурмъ непріятельскихъ заваловъ, изъ которыхъ вчера стрѣляли, и у меня крѣпко забилося сердце, когда я выходилъ со своимъ полувзводомъ впередъ. Солдаты крестились, и я тоже, пообѣщавъ даже 5 рублей пожертвовать на церковь, если живымъ выйду изъ этихъ заваловъ. Мои молодцы прибавляютъ шагу и мы все ближе и ближе подходимъ къ заваламъ. Сердце замираетъ отъ мысли, что сейчасъ грянетъ залпъ и упадешь убитымъ или раненымъ на землю... Но вотъ мы почти у заваловъ; тамъ тихо и горцы не думаютъ стрѣлять. Подбѣга-

емъ къ нимъ, всякую минуту ждемъ смерти—но тишина невозмутимая. Наконецъ взбѣгаемъ на завалы и видимъ, что они пусты. Съ крикомъ „ура“ бросился я впередъ на слѣдующіе завалы и траншеи, а за мной и весь мой полувзводъ, но и тамъ не было никого. Немного спустя къ намъ подошелъ резервъ. Командиръ полка разспрашивалъ меня о занятіи завала и, выслушавъ мой докладъ, приказалъ разсыпать цѣпь.

Итакъ, задача, данная намъ главнокомандующимъ, выполнена какъ нельзя лучше: мы на правомъ берегу Койсу, притомъ почти безъ потерь! Удачу эту приписывали всѣ полковнику Радецкому, который, вопреки желанію генерала Ракусы, настоялъ на устройствѣ переправы и молодецки со своими дагестанцами управился съ бурною рѣкою. Отличились также дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ Девель, своею находчивостью и изобрѣтательностью по части устройства моста, и саперный подпоручикъ Ивановъ. Всѣ трое получили св. Георгія 4-й ст. Являлся, однако, вопросъ, почему горцы такъ быстро покинули завалы и открыли намъ свободный проходъ въ Аварію? Существовало только одно предположеніе, а именно: разъ русскіе такъ легко и скоро одолѣли почти непроходимую рѣку, то что стоило имъ забрать мюридовъ въ завалахъ и перебить всѣхъ до одного? Не предвидя ничего хорошаго, они сочли за лучшее заблаговременно уйти подальше отъ этихъ ужасныхъ гяуровъ, для которыхъ нѣтъ ничего невозможнаго—и въ одну ночь слѣдъ ихъ простылъ. Теперь мы могли сказать, что правый берегъ Койсу нашъ, и нашъ безвозвратно!

Давъ отдохнуть людямъ, утомленнымъ бессонною ночью, и самъ проспавшись, я пошелъ осматривать только-что занятые нами завалы, которыхъ раньше, за темнотой, не успѣлъ еще разсмотрѣть. Они находились на томъ мѣстѣ, по которому я стрѣлялъ 15-го іюля, и представляли собой земляные ва-

лы вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина, съ канавою внутри въ аршинъ шириной и глубиной. Безчисленное множество пуль различной величины валялось на землѣ; тутъ были и мусульманскія маленькія, и круглыя, и Неслера, и бельгійскія, и новыя Минье; поодаль валялись осколки гранатъ. Не мало бѣдъ произвели они нѣсколько часовъ тому назадъ: на камняхъ, на землѣ и на травѣ вездѣ попадались слѣды засохшей черной крови. Между тѣмъ на рѣкѣ работа кипѣла своимъ чередомъ. По веревочному мосту, хотъ и съ трудомъ, перевели пѣшихъ людей, но надо же было подумать объ артилеріи и обозѣ. Пушекъ и лошадей не переведешь по канату—и вотъ обратились къ тому мѣсту, гдѣ когда-то былъ у Сугратля мостъ черезъ Койсу. Къ нашему огорченію, лѣвая сторона берега у этого моста была до того разрушена взрывами, что невозможно было къ ней подступить, а другого болѣе подходящаго мѣста для моста близко не имѣлось: только у Сугратля ширина рѣки не превышала 2-хъ сажень. Работа по исправленію дороги, ведущей къ спуску на мостъ, требовала массы времени и рукъ, но главное затрудненіе заключалось въ деревянныхъ матеріалахъ для нея и для моста. Однако, и тутъ выручилъ случай. Прямо противъ испорченной дороги, на правомъ берегу Койсу, Шамилемъ была устроена крытая траншея въ видѣ огромной галлерей, амбразуры которой направлялись на спускъ. При своемъ отступленіи отъ праваго берега Койсу горцы, бросивъ свои завалы и траншеи, поспѣшили очистить и эту галлерей. Вотъ она-то и пригодилась для исправленія пути и устройства моста. Послѣдній былъ готовъ къ обѣду; саперы соорудили его почти въ два часа, перекинувъ брусъ и укрѣпивъ на нихъ досчатую настилку. Дорогу быстро исправить нельзя было, а потому приставили двѣ большія лѣстницы, изъ которыхъ по одной подымались, а по другой спускались. Потомъ уже изъ сруба сдѣлали болѣе удобный спускъ къ рѣкѣ.

Смѣнившись съ пикета, я пообѣдалъ и пошелъ съ капитаномъ К. купаться въ Койсу. Дорогою насъ догналъ солдатъ и доложилъ, что командиръ полка съ двумя ротами поднялся сейчасъ на гору, гдѣ показалась довольно большая партія горцевъ, и намъ отдано приказаніе идти слѣдомъ за нимъ. Мы побѣжали къ биваку, а оттуда бросились на выстрѣлы. Жара стояла невыносимая. Я скинулъ съ себя сюртукъ, стрѣлки мои сдѣлали тоже, но какъ мы ни спѣшили, а все-таки опоздали: роты уже кончили перестрѣлку и въ выжидательномъ положеніи лежали въ кустахъ за бугромъ. Я подползъ къ товарищамъ и узналъ, что довольно значительная партія горцевъ проѣхала недалеко и, завидѣвъ двѣ роты, выбѣжавшія къ ней навстрѣчу, повернула и спряталась въ оврагъ, изъ котораго когда нибудь должна же выйти. Ее-то роты и поджидали. Уже болѣе часа пролежали мы за этимъ бугромъ, а ни одна живая душа не показывалась ни изъ оврага, ни около него. Полковой командиръ, соскучившись ожиданіемъ, приказалъ играть отступленіе, оставивъ меня со взводомъ 5-й стрѣлковой роты и съ наказомъ стрѣлять лишь только тогда, когда мюриды будутъ отъ насъ на выгодномъ разстояніи. Оставшіеся одинъ, я прежде всего расположилъ людей поудобнѣе и укрыто отъ глазъ непріятеля, а на горѣ, въ кустахъ, спряталъ расторопнаго солдатика, чтобы онъ своевременно подалъ мнѣ знакъ когда покажутся горцы. Распорядившись такимъ образомъ, я тоже прилегъ около своего взвода въ кусты и предался мечтамъ о томъ, какъ отличусь, какъ побью горцевъ и т. п. Моему самолюбію особенно льстило то обстоятельство, что мнѣ поручили, какъ мнѣ тогда казалось, такое важное дѣло. Но какова была досада, когда два адъютанта, М. и Б., пристроились ко мнѣ и стали распоряжаться. Каково было смотрѣть на это человѣку только-что мечтавшему объ отличіи? Очевидно, эти адъютанты пришли ко мнѣ съ цѣлью ограбить меня, взять себѣ то, что принадлежало мнѣ одному. Я него-

довалъ и, несмотря на мой маленькій чинъ, замѣтилъ имъ, что ежели они хотятъ быть здѣсь и въ случаѣ удачи приписать себѣ все, то пусть по крайней мѣрѣ не мѣшаютъ моимъ распоряженіямъ. Но всѣ мои огорченія оказались напрасными. Горцы, увидѣвъ, что роты возвратились на бивакъ, вылѣзли изъ-за горы и начали вытаскивать изъ земли наши пули. Показавшихся было человѣкъ пять или шесть; они были оборваны и имѣли крайне несчастный видъ. Я приказалъ своимъ стрѣлкамъ приготовиться и ждалъ когда они спустятся ниже, чтобы дать залпъ, какъ слышу сигналъ „стрѣлять,“ раздавшійся съ бивака. Какъ огорчилъ онъ меня! Горцы должно быть хорошо знали этотъ сигналъ, или между ними былъ бѣглый солдатъ, только, заслышавъ его, они мигомъ бросились обратно и скрылись за горой. Всѣ мои мечты разлетѣлись! Адъютанты ушли и совѣтовали мнѣ сдѣлать то же; но я' остался, рѣшивъ перехитрить горцевъ. Неподалеку отъ меня была рота на фуражировкѣ, которая въ это время возвращалась домой. У меня мигомъ созрѣла мысль воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, и я послалъ своего унтеръ-офицера попросить командира ея свернуть съ дороги и пройти по гребню возвышенности, за которой я лежалъ. Онъ прошелъ именно такъ, какъ я хотѣлъ. Когда рота проходила мимо насъ, я приказалъ проиграть „отступленіе.“ Услыша сигналъ, горцы выглянули, увидѣли солдатъ, возвращающихся на бивакъ, и приняли ихъ за насъ. Какъ только рота удалилась, они смѣло вылѣзли и подошли къ намъ шаговъ на 500, не болѣе. На этотъ разъ никто уже мнѣ не мѣшалъ: половина людей, по моему приказанію, сдѣлала залпъ, а другіе открыли стрѣльбу рядами. По залпу двое изъ горцевъ покатались въ оврагъ, а остальные мгновенно скрылись за горой. Послать туда я не рѣшался, такъ какъ и безъ того былъ далеко отъ своего бивака, а потому, собравъ обрадованныхъ удачею солдатъ, возвратился къ баталіону. Генералъ Ракуса благодарилъ меня за находчивость.

19-го июля, воскресенье.

Отрядъ отдыхалъ; да и пора было отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и тревоженій. Одни только саперы не знали отдыха, работая надъ спускомъ къ рѣкѣ; работа была трудная и подвигалась медленно, черепашѣмъ шагомъ. Роты поочередно ходили въ лѣсъ за хворостомъ, который сваливали около моста для приготовленія фашиновъ. И этою работою завѣдывали саперы. Сегодня вечеромъ, въ первый разъ по выступленіи изъ мичикальскаго ущелья играли зарю съ церемоніей, т. е. полнымъ хоромъ горнистовъ и барабанщиковъ, по сю и по ту стороны рѣки. Намъ уже нечего было соблюдать строгую тишину: мы были полными хозяевами обоихъ береговъ Андійскаго-Койсу. Хотя бивакъ нашъ и не былъ укрѣпленъ ничѣмъ, но нашу позицію сама природа охраняла съ трехъ сторонъ; съ четвертой же стороны цѣпь часовыхъ и секретъ достаточно охраняли насъ отъ нападенія. Несмотря на это, намъ строго запретили раздѣваться.

20-го июля, понедѣльникъ.

Утромъ узналъ, что спускъ къ мосту еще не готовъ, слѣдовательно и сегодня придется пробить подъ палящимъ солнцемъ на этой же позиціи. Я взялъ походныя холщевыя носилки, разложилъ ихъ на кустъ колючки и, спрятавшись подъ тѣнью этого шалаша, лежалъ, созерцая сапожника, чинившаго мои сапоги; эти сапоги, три дня тому назадъ совершенно новыя, продырявились отъ острыхъ камней, по которымъ мы ходили всѣ эти дни. Часу въ шестомъ или седьмомъ послѣ обѣда войска были посланы за хворостомъ для саперъ. Въ оврагѣ, куда мы спустились для этого, росли прекрасныя деревья и кустарники. Тутъ были и персики, и орѣхи, и груши, и каштаны, но солдатскія руки, вооруженныя топорами, не щадили ничего, и вскорѣ саперамъ была

нанесена цѣлая гора хворосту. Имъ предстояло работать всю ночь, такъ какъ къ разсвѣту приказано приготовить насыпь для прохода кавалеріи, артилеріи и обозовъ. Солдатамъ раздали сухарей еще на три дня. Уже совсѣмъ стемнѣло, и при свѣтѣ костровъ шла укладка для выступленія на завтрашній день, какъ вдругъ раздался залпъ изъ ружей—и рой пуль пролетѣлъ около насъ, къ счастью, не ранивъ ни одного человека. Это горцы, пользуясь суматохой, подползли очень близко къ нашему биваку и произвели залпъ, котораго мы совершенно не ожидали. Сейчасъ же было приказано потушить костры, усилить секреты и цѣпь. Ночью мы были на чеку и спали тревожно.

21-го іюля, вторникъ.

На пути въ Аварію, около Аварскаго Койсу находятся высоты Ахкентъ-дагъ, куда стянулся теперь непріятель, устроивъ тутъ себѣ опорный пунктъ, съ котораго могъ насъ безпокоить. Чтобы проникнуть въ Аварію необходимо было завладѣть этими высотами, и вотъ генераль Ракуса получилъ приказаніе отъ барона Врангеля выступить сегодня для ихъ занятія. Оттого-то и отдано вчера приказаніе саперамъ во что бы ни стало за сегодняшнюю ночь окончить спускъ къ рѣкѣ.

Насъ подняли очень рано; чуть свѣтъ мы закусили и въ 4¹/₂ часа утра тронулись въ походъ. Утро было ясное, тихое, какъ и во всѣ предыдущіе дни. Впереди всѣхъ выѣхала сотня мусульманскаго полка, потомъ прошелъ баталіонъ Ширванскаго полка, 2-й баталіонъ дагестанцевъ и наконецъ, въ аріергардѣ, нашъ сводный баталіонъ. Генераль Ракуса и полковой командиръ, проѣзжая мимо баталіоновъ, здоровались, благодарили за молодецкую переправу и каждый отъ себя дарилъ ротамъ по ведру спирта. Пройдя не болѣе версты по ровной дорогѣ, мы взяли вправо и пошли по узкой тропинкѣ

на крутую гору. Солнце поднялось и начало печь безъ милосердія, а воды не было ни одной капли. Выраво отъ насъ выѣхалъ горецъ въ бѣлой папахѣ и сталъ джигитовать на своей маленькой горской лошаденкѣ. Досадно ли ему показалось, что на него не обращаютъ никакого вниманія, или его послали съ намѣреніемъ навести насъ на засаду, только, видя наше равнодушіе къ себѣ, онъ слѣзъ съ лошади и сдѣлалъ въ нашу сторону нѣсколько выстрѣловъ; потомъ опять слѣлъ на свою клячу и опять сталъ джигитовать. Тутъ уже не утерпѣлъ мой баталіонный командиръ и приказалъ ссадить молодца съ лошади. Наѣздникъ достигъ наконецъ своей цѣли: возбудилъ наше вниманіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ слетѣлъ съ коня. Тропинка между тѣмъ становилась все круче и круче; солдаты выбивались изъ силъ и отсталыхъ было довольно много. Но вотъ вышли мы, наконецъ, на площадку, поросшую кустарникомъ и густой хорошей травой. Здѣсь солдаты сейчасъ же нашли фонтанъ холодной и чистой воды. Онъ былъ забитъ горцами, но нѣсколькихъ ударовъ киркою было достаточно, чтобы вода пошла большой, хорошей струей. Каждому хотѣлось поскорѣе напиться, пошла давка, за давкою ссора, а нѣкоторые, просто задыхавшіеся отъ жары, усталости и жажды, пустили въ ходъ мѣдные котелки, стегая ими тѣхъ, которые, набравъ воды, не отходили отъ фонтана, а тамъ же, стоя, пили. Отъ этой площадки подымалась скалистая гора, еще круче; глядя наверхъ, трудно было допустить, чтобы человѣкъ могъ взобраться на нее, да еще съ ружьемъ и другимъ снаряженіемъ. Впередъ послали двѣ роты Ширванскаго полка. Они оставили свои вещи внизу и съ ружьями, перекинутыми черезъ плечо, полѣзли, карабкаясь и хватаясь за деревья, вверхъ. Вотъ они достигли вершины и заняли ее безъ боя. За ними было приказано идти и остальному отряду пѣхоты, а кавалерію и व्यюки послали правѣе, въ обходъ. Такъ какъ мы были въ арьергардѣ, а передній отрядъ шелъ на крутизну раз-

сыпавшись и очень медленно, то намъ приказано отдохнуть въ сосновомъ лѣсу и дать время войскамъ подтянуться. Командиръ ширванскаго полка, полковникъ К., шелъ при своихъ ротахъ, приказавъ свою лошадь вести въ поводу за собою. Вzbираться было очень скользко по сухимъ сосновымъ игламъ, и вотъ, не доходя вершины, лошадь поскользнулась и не удержалась на ногахъ. Раздался шумъ, трескъ, и я увидѣлъ какую-то черную массу, быстро стремившуюся внизъ. Это былъ трехсотъ-рублевый карабахскій жеребецъ полковника К. Онъ дѣлалъ рикошеты по деревьямъ и наконецъ слетѣлъ внизъ безъ внутренностей, съ переломленными ребрами и ногами. Дорогое азiятское сѣдло разломалось въ куски; ихъ собралъ нашъ фурштатъ и уложилъ на выюкъ. Подобной же участи подверглись еще три или четыре лошади; одна, ударившись налету со всего размаха о толстое дерево, разорвалась на двѣ части, которыя и разлетѣлись въ разныя стороны. Къ счастью, эти падающія лошади не увлекли ни одного солдата: слышавъ шумъ и трескъ, люди догадывались о паденіи и каждый старался укрыться за сосѣднее толстое дерево, которыхъ на этомъ склонѣ расло довольно много. Случалось солдатамъ падать, но все обходилось благополучно: проѣдется, бывало, на спинѣ нѣсколько сажень и остановится, ухватившись за кустъ или за дерево. Майоръ нашего баталіона Витгантъ около 5 сажень проѣхался на спинѣ внизъ, отдѣлавшись однимъ только испугомъ и царапинами. Наконецъ и намъ приказано идти въ гору. Мы разсыпались по лѣсу и, цѣпляясь за деревья, медленно подвигались впередъ, безпрестанно останавливаясь для отдыха. Котелки, фуражки, бутылки со спиртомъ и другая мелочь отвязывалась и летѣла внизъ съ грохотомъ и шумомъ; поминутно раздавались крики сверху: „лови, лови! берегись!“ Падающія вещи ловили ниже идущіе солдаты и передавали вверхъ по принадлежности, за исключеніемъ спирта, который, вѣроятно отъ сильной жары, мгновенно испарялся. Все про-

странство между деревьями было сплошь покрыто засохшими сосновыми иглами и шишками, которые не давали шагу вступить безъ помощи рукъ. Многіе солдаты шли босикомъ. Сдѣлавъ шаговъ 800, я выбился изъ силъ и, опустившись, прислонился къ дереву. Въ это время проходитъ мимо меня стрѣлокъ Жанталай.— „Что съ вами, в. б-діе?“ Говорю, что не могу идти.— „Пустяки, выпейте только глотокъ спирту—и не увидите откуда силы возьмутся.“ И вина-то почти не пью, а тутъ, на грѣхъ, послушался, выпилъ спирту—и раскисъ совершенно. Однако, дѣлать было нечего, надо идти—не оставаться же одному на жертву мюридамъ; и вотъ, карабкаясь на четверенкахъ, я поползъ дальше, отдыхая черезъ каждые 5—6 шаговъ. Вотъ и лѣсъ сталъ рѣдѣть, вотъ и вершина показалась—слава Богу, конецъ нашимъ мученіямъ! Но не тутъ-то было. Выбравшись на гору, мы попали въ настоящее пекло. Хотя бы откуда нибудь прохлада, хотя бы вѣтерокъ былъ! а тутъ еще жажда, нестерпимая жажда мучила насъ. Изъ лѣсу люди выбирались поодионокъ и, дойдя до своей части, пластами бросались на землю. Всадники мусульманскаго полка успѣли уже выбраться на вершину и теперь проходили мимо насъ. Воды кругомъ не было ни капли. Одинъ мусульманскій офицеръ крикнулъ: „ребята, кто дастъ манерку воды—тому три рубля!“ но, видно, воды ни у кого не было, потому что ему отвѣчали: „сами бы сложились да кушили, а не то что продавать будемъ.“ Вотъ и послѣдній солдатъ выбрался изъ лѣсу; сдѣлали повѣрку въ ротахъ и пошли въ ту сторону, гдѣ утромъ видны были издалика бѣлые завалы мюридовъ. Теперь пришлось идти по тропѣ, проложенной по самому гребню горы, въ четверть аршина шириною. По правую сторону—длинный, оголенный и крутой склонъ, слѣва было отложе и склонъ поросъ лѣсомъ. Мы невольно придерживались этой стороны—тутъ хоть и упадешь, такъ зацѣпишься за дерево. Наконецъ хребетъ расширился—и мы пошли рядами. Впереди за двумя

вершинами показались два значка мюридовъ, одинъ сѣрый, другой бѣлый съ синими каймами; это означало, что тамъ были двѣ сотни. Ширванцевъ и мусульманъ послали впередъ взять эти высоты. Ширванцы пошли молодцами, несмотря на усталость, подошли къ высотамъ, крикнули „ура“ и бросились на мюридовъ. Горцы сдѣлали залпъ, потомъ пошли одиночные выстрѣлы, затѣмъ все стихло. Забывъ усталость, мы прибавили шагъ, чтобы поспѣть на помощь товарищамъ, но въ насъ уже не было надобности: послѣ залпа горцы бѣжали, бросивъ завалы, которые были заняты ширванцами безъ потерь. Говорили послѣ, что горцы не хотѣли драться, но ихъ принудили выйти противъ насъ муллы и старшины; они вышли, но стрѣляли на вѣтеръ. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы залпъ изъ нѣсколькихъ десятковъ ружей на такомъ близкомъ разстояніи не причинилъ никакого вреда.

Итакъ, высоты, считаемыя Шамилемъ недоступными и служившія преградой для нашего вторженія въ глубь Аваріи, сегодня взяты нами, и взяты почти безъ потерь.

Когда мы узнали, что мюриды ушли, вся наша бодрость прошла такъ же быстро, какъ и появилась. Всѣ опять раскисли и еле-еле двигали ногами. Вотъ подошли и къ тому мѣсту, гдѣ ширванцы прокричали „ура,“ бросаясь на вершины, за которыми сидѣли горцы. Но какая картина! Всѣ они лежали, какъ мертвые, по обѣ стороны дороги, съ блѣдными, вытянутыми лицами. И не мудрено: выбившись изъ силъ при подъемѣ, въ зной, не успѣвъ отдохнуть, они были направлены въ атаку на гору, бѣгомъ. Ихъ изнуреніе достигло крайней степени. Офицеры лежали гдѣ попало между нижними чинами; они были истощены, въ глазахъ выражалось страданіе и одна только мольба: „дай напиться.“ Явился въ эту минуту откуда нибудь десятка два мюридовъ—сколько бѣдъ надѣлали бы они тутъ! Мы прошли мимо ихъ и слѣдовали все дальше и дальше, чтобы выбрать позицію для стоянки всего дагестанскаго отряда.

Со мною отъ усталости, голода и жажды сдѣлалось дурно и я, отставъ отъ своей роты медленно шелъ сзади съ прапорщикомъ Игнатовичемъ. Уже вечерѣло, а мы все шли и шли, и, казалось, конца не будетъ этому движенію; авангардъ не останавливается, а солнца между тѣмъ уже не видно за горизонтомъ. Изъ всего отряда только третья часть, можетъ быть, шла на своихъ мѣстахъ; остальные разбрелись по сторонамъ, надѣясь гдѣ нибудь отыскать воду. Наконецъ, кто-то набрелъ на ручеекъ, вѣсть о которомъ мигомъ разнеслась по отряду. Несмотря на усталость, люди прибавили шагу, отсталые подтянулись, и всѣ съ жаждущими взорами шли туда, гдѣ уже собралась толпа солдатъ, сразу утолившихъ водою и жажду, и голодъ. Нѣсколько глотковъ воды вернули мнѣ бодрость, и, попросивъ у солдата нѣсколько кусочковъ сухаря, я въ первый разъ за сегодняшній день подкрѣпилъ себя пищею. Игнатовичъ сдѣлалъ то же. Отдохнувъ немного, мы потянулись къ баталіону.

Наконецъ-то авангардъ остановился. Хоръ изъ горнистовъ и барабанщиковъ сейчасъ же заигралъ сборъ, но сигналъ долго пришлось повторять, пока подтянулись отсталые. Солнце зашло за горизонтъ и знойный день смѣнился очень холодной ночью. Мы были въ однѣхъ рубахахъ, а между тѣмъ наши выюки съ вещами и денщики съ нашими сюртуками гдѣ-то задержались на дорогѣ. Поднявшійся вѣтеръ пронизывалъ насквозь еще не высохшую рубаху и мы дрожали, не попадая зубъ-на-зубъ. Я легъ въ сторонѣ въ высокомъ, еще не скошенномъ ячменѣ и тѣмъ хоть немного прикрылся отъ вѣтра. Во второмъ часу ночи пришли, наконецъ, выюки. Я надѣлъ свой полушубокъ, согрѣлся и, закусивъ саломъ съ сухарями, уснулъ мертвымъ сномъ.

Сегодня, послѣ прихода нашего на бивакъ, къ генералу Ракусѣ пріѣзжали съ поклономъ старшины окрестныхъ ауловъ. Они увѣряли, что дрались съ нами, побуждаемые толь-

ко Шамилемъ, да и теперь жители Бетля и Ахъ-Кента, близъ котораго мы стоимъ, переселились, по указанію Шамиля, въ горы и лѣса. Ихъ увѣрили что, по приходѣ русскихъ, всѣ они отъ мала до велика будутъ перерѣзаны. „Конечно—прибавляли старшины—увидѣвъ вашъ ласковый пріемъ и убѣдившись, что вы на насъ не сердитесь, мы посильшимъ собрать жителей обратно въ аулы.“

22-го іюля, среда.

За ночь выпала довольно сильная роса, но взошло солнце и, несмотря на ранній часъ, начало припекать. Напившись чаю съ особеннымъ удовольствіемъ, я пошелъ осматривать мѣсто нашего расположенія, къ которому вчера мы подходили уже впоотьмахъ. Мы стояли на довольно ровномъ мѣстѣ, хотя площадь была и незначительна. Вокругъ, на плоскихъ возвышенностяхъ видѣлись далеко засѣянные хлѣбомъ поля и только къ западу, среди моря посѣвающаго хлѣба, видѣлся зеленый лѣсъ, около котораго былъ расположенъ аулъ Ахъ-Кентъ. Съ ранняго утра мюриды уже толпились около генерала Ракусы и на всѣ лады изъявляли свою покорность. Генераль принималъ ихъ очень ласково, и видно было, что это ласковое обращеніе ихъ сильно ободряло. Никогда не забуду трогательной встрѣчи одного мюрида съ своимъ роднымъ братомъ, служившимъ въ конно-иррегулярномъ Дагестанскомъ полку. Узнавъ другъ друга, они бросились въ объятія и долго цѣловались, приговаривая что-то посвоему; потомъ отошли другъ отъ друга, полюбовались и, снова бросившись въ объятія, такъ и затерялись въ толпѣ. Говорили, что мы долго еще простоемъ на этомъ мѣстѣ, и всѣ радовались отдыху, но вдругъ, къ великому нашему огорченію, въ девятомъ часу барабаны забили подъемъ, потомъ проиграли сборъ—и мы опять двинулись въ гору. Сегодня все-таки легче идти: холодная и довольно

сырая почъ освѣжила и подбодрила насъ, такъ что въ этотъ переходъ не только не было отсталыхъ, но даже пѣсенники не умолкали почти всю дорогу. Пройдя опустѣвшій аулъ Ахъ-Кентъ, гдѣ строго было наказано нижнимъ чинамъ не трогать чужого добра, мы повернули направо и пошли между хлѣбамн. Дорога и засѣянные поля были сплошь усыпаны мелкимъ щебнемъ, а между тѣмъ на этой почвѣ росъ чудный густой ячмень, вышиною въ поясъ. Изрѣдка попадались мѣста, засѣянные силыми бобами, и солдатики лакомились ими, несмотря на увѣщанія дежурныхъ. Пройдя верстъ восемь, мы взошли на гору, гдѣ намъ приказали лечь отдохнуть; кавалерія, спустившись внизъ, направилась къ хорошенькому аулу Бетъ. Онъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ и представлялъ собою чудный уголокъ, весь въ садахъ, среди цѣлаго моря посѣвающихъ хлѣбовъ. Говорили, что генералъ поѣхалъ туда выбрать новое мѣсто для стоянки дагестанскаго отряда, но, какъ видно, и тутъ не нашли ничего хорошаго, и кавалерія присоединилась къ намъ. Отойдя отъ привала еще версты двѣ, насъ построили въ баталіонныя колонны и приказали лечь въ ожиданіи пріѣзда командующаго войсками. Ровно въ 12 часовъ изъ-за бѣлыхъ заваловъ, видѣнныхъ нами наканунѣ, показалась толпа всадниковъ, которая мчалась прямо на насъ. Это и былъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель со свитою. Баталіоны построились впереди ружей; всѣ были въ рубахахъ, не исключая и офицеровъ, которые имѣли только черезъ плечо шашки. Подскакавъ къ намъ, Врангель поздоровался своимъ звучнымъ голосомъ и сказалъ: „Спасибо, молодцы, спасибо! я вами очень доволенъ и постараюсь наградить васъ за тяжелые труды и молодецкую службу!“ Потомъ вызвалъ впередъ офицеровъ и особо благодарилъ за взятіе переправы и ахъ-кентскихъ высотъ. Послѣ обѣда намъ приказано было идти на то мѣсто, гдѣ мы вчера ночевали, и расположиться бивакомъ. По указанію офицеровъ генеральнаго

штаба, мы заняли бугорокъ, на которомъ и начали устраиваться. Скоро подошли къ намъ войска, бывшія въ резервѣ и не участвовавшія въ дѣлѣ на переправѣ. Они заняли мѣста такимъ образомъ, что штабъ командующаго войсками очутился какъ разъ въ центрѣ всего расположенія бивака. Выюки съ палатками шли сзади отряда; намъ говорили что они не особенно далеко и скоро прійдутъ. Однако, они подошли поздно ночью, такъ что палатки красовались только у штабныхъ, а у насъ и баталіонные командиры спали на открытомъ воздухѣ. Въ 5 часовъ пополудни къ барону Врангелю пріѣзжали просить покровительства почетные жители, которыхъ онъ принималъ съ возможной торжественностью. Пріемъ происходилъ такимъ образомъ: Врангель сидѣлъ въ походномъ креслѣ передъ палаткою; по одну сторону его сидѣлъ начальникъ штаба г.-м. князь Святополкъ-Мирскій, а по другую адъютантъ главнокомандующаго капитанъ Фадѣевъ; сзади и по бокамъ ихъ—огромная свита, состоящая изъ адъютантовъ, чиновниковъ и переводчиковъ. Впереди генерала сидѣли на корточкахъ почетные жители, одѣтые довольно прилично, съ жиденькими бородками; въ серединѣ полукруга, въ который они усѣлись, держали значекъ изъ простого узорчатаго ситца розоваго цвѣта, съ нашитой бѣлой луной по серединѣ. Я стоялъ поодаль, такъ что ихъ разговора не слышалъ, а только наблюдалъ за ихъ лицами. Всѣ они старались быть весьма солидными, придерживались за свои козлиныя бородки и, говоря, немного привставали и прикладывали руку къ сердцу. Вотъ и ауденція кончена. Аварцы быстро встали на ноги и, подойдя къ командующему войсками, подарили ему свое знамя, увѣряя, что его имъ далъ самъ имамъ съ строгимъ наказомъ биться подъ нимъ до послѣдняго человѣка. Ихъ отвели въ особую палатку, гдѣ угостили на славу хинкалами (родъ галушекъ) и пловомъ. Мой кунакъ, житель аула Черкея поручикъ Фезилла, говорилъ мнѣ потомъ, что они

пріѣзжали просить русскаго покровительства и защиты отъ Шамиля.

Въ этотъ же вечеръ было отдано приказаніе двумъ баталіонамъ Апшеронскаго полка, взводу артилеріи и двумъ сотнямъ милиціи слѣдовать къ аулу Хунзахъ. Ночью пошелъ дождь и промочилъ насъ совершенно. Какъ я ни укрывался коврами, проку изъ этого вышло мало. Но и это неудобство казалось намъ пустякомъ сравнительно съ тѣмъ, что перенесли мы въ два предшествующіе дня.

23-го іюля, четвергъ.

Сегодня всталъ, по привычкѣ, съ разсвѣтомъ и только-что собрался пить чай, чтобы согрѣться послѣ сырой и холодной ночи, какъ фельдфебель доложилъ, что наша рота назначена въ прикрытіе фуражировъ и насущагося табуна лошадей. Нечего дѣлать, наскоро выпилъ стаканъ и поспѣшилъ къ ротѣ, которая уже выстраивалась. вмѣстѣ съ нашей, 5-й стрѣлковой ротой, была назначена и 17-я рота. Взошедшее солнце насъ пригрѣло настолько, что мы сразу пообсохли. Солдатики сняли полукафтаны и развѣсили на чемъ попало, а сами принялись за чистку и смазку ружей. Отъ цѣлаго ряда знойныхъ дней кожа на лицѣ до того обгорѣла, особенно на носу, что больно было дотронуться до нея. Я подозвалъ одного стрѣлка и приказалъ ему смазать мнѣ носъ и щеки сальной тряпочкой. Совершая этотъ туалетъ, онъ сообщилъ, что у солдатъ на такую операцію выходитъ сала гораздо больше, чѣмъ на чистку и смазку ружей. Мѣстность была открытая почти во всѣ стороны, нечаяннаго нападенія опасаться было нечего, и я, скучая въ одиночествѣ, пошелъ къ командиру 17-й роты капитану Квицинскому, старому и опытному кавказцу. Онъ заблаговременно запасся брезентомъ, подъ которымъ теперь и благодушествовалъ. Я пріютился около не-

го, слушая рассказы вахмистра мусульманскаго полка. Это былъ старый умный аварецъ, родомъ изъ Хунзаха; слова его были проникнуты сильной ненавистью къ мюридамъ. „Насъ, аварцевъ—говорилъ онъ—много въ мусульманскомъ полку, особенно хунзахцевъ; и вотъ теперь мы стоимъ возлѣ родины, но не можемъ туда и показаться, потому что кровомщеніе насъ удерживаетъ. Пойди я туда—или меня убьютъ, или я долженъ убить, по закону нашей вѣры. Сегодня къ генералу Врангелю въ числѣ мюридовъ, изъявлявшихъ покорность, пріѣхалъ одинъ, который на моихъ глазахъ не очень давно убилъ моего родного брата; я долженъ былъ убить его сейчасъ же—это мой святой долгъ, но не могъ, потому, что русскіе просили подождать, пока все успокоится въ Аваріи, и пришлось покориться. Шамилъ раззорилъ мою саклю, перерѣзалъ всѣхъ родныхъ, я одинъ только спасся изъ всей семьи, успѣлъ убѣжать къ русскимъ и поступить въ этотъ полкъ. Каково же мнѣ показаться теперь въ этомъ мѣстѣ?! Много у насъ въ полку и такихъ моихъ земляковъ, которые сами напроказили и ушли къ русскимъ; тѣмъ и подавно нельзя здѣсь показаться, потому что ихъ убьютъ непременно.“ Разсказывалъ онъ также о томъ, что, по преданію, Аварія была страна христіанская и по рѣкѣ Аварское-Койсу еще понынѣ существуютъ развалины церквей, а въ одномъ мѣстѣ одна изъ такихъ церквей до сего времени сохранилась; лѣтъ 10 тому назадъ тамъ жилъ русскій бѣглый священникъ, который отправлялъ въ ней богослуженіе и за свою жизнь пользовался общеою любовью окрестныхъ жителей, но мюриды-фанатики убили его, боясь, чтобы горцы не послѣдовали его ученію. Много, много еще говорилъ онъ, возбуждая мое любопытство; часто возвращался къ мюридамъ, находилъ, что они вѣроломны и хотя теперь силою обстоятельствъ принуждены покориться, но никогда не будутъ вѣрными русскимъ и при первомъ удобномъ случаѣ возьмутся за оружіе. Конечно, не безъ того, чтобы въ его словахъ не проглядывала личная

непріязнь за смерть родныхъ и раззореніе родного дома, но все же тутъ было много правды, и уже очень полагаться на покорность вольныхъ сыновъ горъ, проникнутыхъ фанатизмомъ мюридизма, никогда не слѣдуетъ. Мы такъ заслушались рассказчика, что не замѣтили какъ прошло время и, къ 12 часамъ пополудни, пришли на смѣну намъ другія двѣ роты нашего баталіона. Въ наше отсутствіе намъ разбили палатки, и мы, пообѣдавъ, первый разъ легли за весь походъ подъ тѣнью ихъ, на толстомъ слоѣ душистой травы. Въ 5 часовъ въ штабѣ заиграла музыка Ширванскаго полка, на линейкѣ заплѣли пѣсенники и на бивакѣ поднялся шумъ и гамъ, будто мы были не въ походѣ и среди враговъ, а въ лагеряхъ мирнаго времени.

Сегодня опять пріѣзжали депутаты изъ многихъ ауловъ. Говорили, что даже грозные Гимры, Араканы, Зыряны и Уллу-кала прислали своихъ представителей съ изъявленіемъ покорности, но мнѣ уже надоѣло смотрѣть на эти бритыя головы и жидкія бородки, и я отправился на базаръ, устроенный не далеко отъ бивака. Сюда жители аула Ахъ-Кента, возвратившіеся изъ лѣсовъ, выносили продавать яблоки, сырыя кожи и горское сукно, выводили лошадей, быковъ и барановъ. Видно, имъ очень нравилось наше золото и серебро, такъ какъ на базаръ вышли не только мужчины, но и звѣроподобныя женщины, закутанныя въ грязныя, дырявыя чадры.

24-го іюля, пятница.

Сегодня полный отдыхъ, такъ что я позволилъ себѣ понѣжиться въ постелѣ до 7-ми час. утра. Пошелъ опять на базаръ, но новаго не было ничего, а тѣ же продукты значительно вздорожали. Два бѣглыхъ солдата рассказывали офицерамъ о Шамилѣ. Послѣ взятія нами ахъ-кентскихъ высотъ Шамиль убрался подальше и хотѣлъ захватить съ собою свое един-

ственное орудіе, но деревянный лафетъ отъ времени и непогоды подгнилъ, а тутъ еще жители Ахъ-Кента просили оставить имъ это орудіе для защиты отъ русскихъ; но какъ только Шамиль уѣхалъ, тѣ же жители послали къ барону Врангелю депутатовъ съ тою же злосчастною пушкою, но не въ силахъ были ее дотащить. Начавшійся дождикъ заставилъ насъ разойтись по палаткамъ.

Депутаты отъ нѣкоторыхъ ауловъ прислали къ барону Врангелю сына шамхала тарковского и подпоручика Апшеронскаго пѣхотнаго полка Никоркина, взятыхъ въ плѣнъ на Ибрагимъ-Дада въ 1857 году. За этихъ плѣнныхъ шамхалъ давалъ 5000 рублей, а русскіе предлагали 20 плѣнныхъ мюридовъ, но Шамиль не соглашался, а теперь ихъ привезли жители аула Унцукуля въ видѣ подарка, за что получили отъ барона Врангеля 60 рублей, которыми остались очень довольны. Сегодня послали капитана Старосилло къ главнокомандующему съ донесеніемъ о взятіи съ боя переправы и покореніи Аваріи. Сколько надеждъ и предположеній было у насъ о предстоящихъ наградахъ!...

23-го іюля, суббота.

По возвращеніи нѣкоторыхъ ротъ съ фуражировки, весь Дагестанскій полкъ былъ собранъ на площадкѣ, построенный въ баталіонныя колонны. Ждали полкового командира, который долженъ былъ намъ прочесть приказъ главнокомандующаго. Приказъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Войска дагестанскаго отряда! Вы храбро заняли переправу на Койсу и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ.

Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій. Лагерь при озерѣ Ретло, въ Андіи“³⁾.

³⁾ Приказъ по кавказской арміи отъ 21-го іюля № 239.

Солдаты начали безъ всякой команды неумолкаемо кричать „ура,“ потомъ самъ командиръ полка, разчувствовавшись, произнесъ рѣчь, въ которой самыми лестными выраженіями благодарилъ полкъ, отличившійся больше всѣхъ, за храбрость, неустрашимость и безропотное перенесеніе трудностей бывшаго похода. Офицерамъ, вызваннымъ впередъ, жалъ каждому руку и отдѣльно каждого благодарилъ, увѣряя что всѣ отличились. Старикъ Балашевичъ прочувствовался до слезъ и, въ свою очередь, благодарилъ полкового командира за честь, которую онъ предоставилъ ему, давъ въ командованіе такой славный баталіонъ, а насъ—за то, что мы отличились и этимъ дали возможность и ему, старику, испытать пріятныя минуты сегодняшняго дня. Доброй души человѣкъ былъ, правда, нашъ баталіонный командиръ, хотя, не зная походовъ до старческихъ лѣтъ, и проявлялъ нѣкоторыя странности въ опасныя минуты. Отъ имени командира полка было отпущено въ каждую роту по ведру спирта, и крики „ура“ не умолкали до самаго обѣда, когда голодъ загналъ людей въ палатки, гдѣ ожидалъ ихъ горячій борщъ.

26-го іюля, воскресенье.

Церковный парадъ. По окончаніи благодарственного молебна за дарованную побѣду, командующій войсками вызвалъ впередъ отличившихся. Вышло 18 дагестанцевъ, одинъ артиллеристъ и шесть всадниковъ мусульманскаго полка. Въ числѣ послѣднихъ былъ юноша не болѣе 15-ти лѣтъ. Генераль бралъ у адъютанта кресты и самъ прикалывалъ ихъ къ груди храбрецовъ. Нашъ Кочетковъ получилъ золотой крестъ, т. е. 2-й степени, а остальные 4-й степени; два мусульманскихъ всадника, въ числѣ которыхъ былъ и юноша, получили серебряныя медали съ надписью „за храбрость.“

Сегодня горцы не только приносили свои продукты на ба-

заръ, но забирались даже къ намъ въ палатки. Мой товарищъ, прапорщикъ Р. Б., зналъ ихъ языкъ и разговаривалъ съ ними довольно свободно. Одинъ изъ жителей, видно изъ болтливыхъ, между новостями сообщилъ, что у нихъ всѣ говорятъ будто русскіе водятъ дружбу съ чертями; онъ хотя и не вѣритъ этому, но все-таки является и у него подозрѣніе, ибо безъ чертовой помощи невозможно по натянутому канату пробѣжать въ одну ночь тремъ тысячамъ человѣкъ. Спрашивалъ, между прочимъ, откуда у насъ ружья, которыя бьютъ такъ далеко, а, главное, такою большою пулею, въ которой есть и свинецъ, и куски желѣза (горныя орудія); одному его знакомому такая пуля попала въ руку и переломала кость. Прежнихъ ружей горцы не боялись, потому что изъ нихъ солдаты стрѣляли очень плохо, особенно въ дождикъ, и тогда можно было бросаться въ шашки, а теперь и носа не позволяютъ высунуть изъ заваловъ.

Вечеромъ получили приказъ выступить съ разсвѣтомъ. Болтали, что аварцы просятъ идти въ ихъ край для защиты отъ набѣговъ Шамиля.

27-го іюля, понедѣльникъ.

Солнце еще не показалось, а мы уже были въ движеніи. Дорога шла ровная, по каменистому грунту; вблизи—ни деревца, ни кустика; даже трава расла на подобіе какого-то мха. Въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ отъ аула Ахъ-Кента насъ нагнали два верховыхъ татарина, которые особенно привѣтливо смотрѣли на насъ, и я крайне удивлялся когда на какой-то мой вопросъ они отвѣтили на чисто русскомъ языкѣ. Оказалось, что одинъ изъ нихъ, житель аула Чирката, въ 1839 году при взятіи Ахульго попалъ къ намъ въ плѣнъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находился въ арестантскихъ ротахъ въ Бобруйскѣ и Кронштадтѣ, гдѣ выучился говорить порусски,

и недавно возвращенъ на родину въ выкупѣ за подполковника Кобіева, находившагося въ плѣну у горцевъ. Теперь онъ ѣхалъ къ барону Врангелю съ очень важнымъ извѣстіемъ: вскорѣ послѣ перехода нашего черезъ Андійское-Койсу, въ аулъ Чиркатъ явился посланный Шамилемъ мюридъ съ бумагой къ старшинѣ, въ которой предписывалось хорошенько высмотрѣть расположеніе баталіона, прикрывавшаго близъ аула Аргуани нашъ вагенбургъ, ночью собрать всѣхъ жителей аула, напасть на этотъ баталіонъ и истребить его вмѣстѣ съ вагенбургомъ. Жители, только-что изъявившіе намъ покорность, охотно согласились, и баталіону грозила серьезная опасность. Моему татарину удалось уже предупредить командира Ширванскаго полка, стоявшаго около Ахъ-Кента, а теперь онъ ѣхалъ къ Врангелю, котораго хотѣлъ между прочимъ просить о принятіи его въ мусульманскій полкъ. Его спутникъ былъ солдатъ Житомирскаго полка, попавшійся въ плѣнъ въ 1844 году. Онъ говорилъ порусски хуже своего товарища, что меня очень удивило: неужели въ 15 лѣтъ можно забыть родной языкъ? Онъ везъ барону Врангелю двѣ торбы самородной сѣры, которой, по его словамъ, безчисленное множество въ кускахъ валяется около Чирката; въ другой рукѣ у него былъ кувшинъ хорошаго свѣжаго масла.

Мы шли, то подымаясь то опускаясь, но все-таки нѣсколько въ гору. При подъемѣ на одну изъ возвышенностей слышался сзади сигналъ „остановиться.“ Оказалось, что одна изъ выючныхъ полковыхъ лошадей съ двумя патронными ящиками полетѣла въ пропасть. Лошадь, конечно, разбилась вдребезги, ящики разлетѣлись, а патроны разсыпались. Нуждаясь въ патронахъ и не желая отдать ихъ горцамъ, начальство распорядилось ихъ достать. Сейчасъ же облегчили нѣсколькихъ солдатъ и послали внизъ обходными тропами. Они нашли тамъ обломки патронныхъ ящиковъ, но изъ 3000 патроновъ удалось подобрать только 700 штукъ. Во вре-

мя этихъ поисковъ я сидѣлъ на камнѣ и любовался унцукульскимъ ущельемъ. Видъ былъ дѣйствительно хорошъ. Аулы Унцукуль и Харачи, окруженные богатѣйшими садами, красовались амфитеатромъ у подножья одной изъ горъ, а внизу ихъ, сверкая, далеко уходила въ ущелье Аварское-Койсу.

Но вотъ идетъ навстрѣчу татаринъ. За походъ я привыкъ разспрашивать встрѣчныхъ о чемъ нибудь. Какими-то судьбами и этотъ татаринъ оказался понимающимъ порусски — Богъ ихъ знаетъ, откуда они выучиваются! Отъ него я узналъ, что семейство Шамиля до послѣдняго времени жило въ аулѣ Харачи или Харачаѣ и только по занятіи нами ахъкентскихъ высотъ онъ увезъ его куда-то дальше, полагаютъ, на гору Гунибъ-дагъ, неприступную со всѣхъ сторонъ. Есть одна только тропинка, ведущая къ аулу Гунибъ, но старшина аула перегородилъ ее каменной стѣнкой и, купивъ у Шамиля за сто барановъ чугунное орудіе, приспособилъ его къ этой стѣнѣ. Подняться по этой тропинкѣ невозможно. „На горѣ этой—прибавилъ онъ—есть и лѣсъ, и вода, и барановъ вдоволь; если жители аула впустятъ туда Шамиля съ семействомъ, то мы не поймемъ его ни за что; и голодомъ заморить нельзя, потому что у него всего будетъ вдоволь.“ Наконецъ мы тронулись дальше. Въ 2 часа пополудни прошли черезъ довольно грязный аулъ Цатаныхъ или Сатаныхъ и, оставивъ его за собой въ верстѣ, расположились на отдыхъ. Цатаныхъ, какъ видно, былъ раньше изъ большихъ и довольно зажиточныхъ; сакли высокія, большія изъ темно-сѣраго камня, но не штукатуренныя. Теперь аулъ представлялъ собою развалины, такъ какъ, по рассказамъ, за ослушаніе жителей Шамиль подвергалъ его нѣсколько разъ раззоренію. Объ этомъ аулѣ существуютъ два преданія. По одному, въ 1843 году цатаныхцы убѣдительно просили, кажется, роту или двѣ Мингрельскаго полка остаться въ аулѣ, увѣряя, что они желаютъ вмѣстѣ съ нею драться противъ Шамиля; но лишь только солдаты вошли въ аулъ

и размѣстились на ночлегъ, они, заперевъ ворота, бросились на сонныхъ и всѣхъ перерѣзали. Другое преданіе говоритъ, что въ этомъ аулѣ русскій офицеръ встрѣтилъ съ почетомъ Шамиля, но Шамиль приказалъ его повѣсить, потому-де, что „если онъ измѣнилъ Государю, который ему платитъ столько денегъ, то измѣнить подавно и мнѣ, такъ какъ я столько платить не могу.“ Насколько второе преданіе вѣрно — не знаю. Что же касается перваго, то въ лѣтописяхъ исторіи извѣстно, что въ 1843 году въ этомъ аулѣ былъ измѣнически вырѣзанъ цѣлый гарнизонъ. Камни съ обрушившейся горы лежали величиною въ добрую саклю; подъ тѣнью ихъ мы отдыхали и закусывали. Съ привала начали подыматься на крутую гору, поросшую густой и высокой травой. Двѣ полковыя лошади не могли идти дальше и ихъ бросили на дорогѣ на произволъ судьбы. Взойдя на гору, версты двѣ или три мы прошли по ровной дорогѣ, но потомъ опять пошелъ спускъ, опять подъемъ на каменистую бѣлую гору, изъ утеса которой въ подставленное каменное корыто билъ фонтанъ чистой, холодной ключевой воды. Влѣво отъ фонтана виднѣлся аулъ Че или Шогода, а вокругъ него шли прекрасныя поля, засѣянные хлѣбомъ. Вообще мѣста, черезъ которыя мы проходили, были богаты и хлѣбами, и огородами, виднѣвшимися почти возлѣ каждаго аула. Вечеромъ мы спустились въ мочокское ущелье и присоединились къ стоявшему тамъ отряду. Палатокъ не разбивали, а расположились, въ холодную ночь и на сильномъ вѣтру съ снѣговыхъ горъ, на открытомъ воздухѣ.

28-го іюля, вторникъ.

Рѣзкій бой барабановъ разбудилъ насъ передъ разсвѣтомъ, вѣроятно часа въ 2 ночи. Холодъ былъ невыносимый. Я бѣгалъ, прыгалъ и всѣми силами старался какъ нибудь со-

грѣться, но ничто не помогало, и только взошедшее солнце, заставшее насъ еще на мѣстѣ, согрѣло меня своими лучами. Пошли опять въ гору, хотя и отложе предыдущей. Съ вершины ея открылась огромная зеленая равнина, которую жители называли хунзахскимъ наибствомъ. Кромѣ главнаго аула Хунзаха, бывшаго нѣкогда столицей аварскихъ хановъ, по всей плоскости, въ разныхъ мѣстахъ ея, были разсыпаны небольшіе аулы. Вся равнина представляла собою сплошное хлѣбное поле, и только небольшое озеро посреди ея съ своими ручейками оживляло хоть немного общій однообразный видъ. Вокругъ, насколько хватало глазу, не было ни одного дерева; даже кустарникъ не росъ на этой мѣстности. Отсюда же виднѣлась и тилитлинская гора, называвшаяся иначе „Чемоданъ-гора,“ вѣроятно, по причинѣ сходства ея съ чемоданомъ. Правѣ ея лежалъ аулъ Тилитль, замѣчательный по штурму Фезе въ 1837 году. Подошва этой горы была окаймлена большими, хорошими садами. Говорили, что аулъ сильно укрѣпленъ.

Но вотъ мы и на днѣ долины и идемъ между отличными хлѣбами, вышиною въ поясъ. Среди хлѣба попадаются полосы, засѣянные турецкими бобами; бобы уже поспѣли, и солдатики такъ и подмываетъ нарвать себѣ въ карманы, но строгій надзоръ дежурныхъ умѣряетъ ихъ пылъ, и они сдаются на слова, что горцы теперь замирились съ нами и могутъ „жалиться“ по начальству. Пройдя мимо Тануса, мы прослѣдовали прямо къ аулу Гоцолохъ. Аулъ Танусъ производилъ очень хорошее впечатлѣніе чистотой и цѣлостью своихъ саклей, которыя были при всемъ томъ не лишены и красоты; особенно мнѣ понравилась въ немъ мечеть.

Пройдя аулы Гоцолохъ, Ахатлю и миновавъ въ сторонѣ расположенный аулъ Сивухъ, мы окончили этимъ хунзахскую равнину и стали опять подыматься въ гору. Сивухъ былъ одинъ изъ немногихъ ауловъ, который не подвергался раззо-

ренію Шамиля за свою приверженность къ нему. Въ немъ жилъ малолѣтній ханъ аварскій, чудомъ уцѣлѣвшій отъ злодѣйской руки Шамиля при покореніи имъ Аваріи. Случилось это вотъ какимъ образомъ. Шамиль съ своими приверженцами напалъ на аварскихъ хановъ, жившихъ тогда въ Хунзахѣ; не имѣя силъ ему сопротивляться они, конечно, всѣ были перерѣзаны, но въ это время одна изъ женъ хана была беременна и, по законамъ мусульманскимъ, ее нельзя было убивать. Забылъ ли Шамиль объ этомъ или не считалъ малютку, появившагося на свѣтъ, опаснымъ для себя, только родившійся потомокъ хана остался въ живыхъ и проживалъ и понынѣ съ своею матерью въ этомъ аулѣ.

Пройдя нѣсколько верстъ по горѣ, мы увидѣли груды массивныхъ камней, казавшихся развалинами аула; къ нашему удивленію, изъ-за этихъ камней показался человѣкъ, за нимъ другой, третій... Конечно, это горцы, и на нихъ ведетъ насъ генералъ! Но, подойдя ближе, мы различили красные воротники: это были апшеронцы, вышедшіе раньше насъ изъ ахъ-кентскаго лагеря и расположившіеся бивакомъ за природными каменными завалами. Насъ размѣстили на площадкѣ выше апшеронцевъ, а немного спустя къ намъ подошли наши выюки; однако, разбивать палатки запретили. По обыкновенію, съ наступленіемъ вечера дневной жаръ смѣнился очень холодною ночью, а дровъ не было совсѣмъ вслѣдствіе безлѣся. Роты покупали хворостъ по баснословнымъ цѣнамъ: за охапку хвороста, уложеннаго въ видѣ выюка на эшакахъ, платили отъ 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 60 коп.

29-го іюля, среда.

Съ каждымъ нашимъ шагомъ въ глубь Аваріи разныя горскія общества другъ за другомъ отпадали отъ своего имамы и съ видимой охотой присылали своихъ представителей

для принесенія покорности русскому Государю. Казалось, что роль Шамиля сыграна въ Дагестанѣ, что насталь конецъ его владычеству и ему ничего не оставалось какъ покориться или бѣжать за предѣлы Кавказа, въ Турцію или Персію. Но покориться онъ, видимо, не хотѣлъ, и объ отступленіи его у насъ ходило нѣсколько слуховъ. По однимъ, онъ бѣжалъ за предѣлы Кавказа, а по другимъ, позднѣйшимъ и наиболѣе достовѣрнымъ, отступилъ къ горѣ Гунибъ-дагу, привезъ туда свое семейство и теперь ведетъ дѣятельную работу по оборонѣ своего мѣстопробыванія. Населеніе уже стало выражать ему свои враждебныя чувства. Когда онъ проѣзжалъ черезъ кундинское общество, жители встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ, побили его стражу, отняли тридцать двѣ лошади, одну мѣру серебра и много другого имущества. Часть приближенныхъ Шамиля, напуганная такою неожиданною встрѣчею, разбѣжалась въ лѣса, и лишь немногіе прослѣдовали съ нимъ къ Гунибу. На своемъ пути онъ пытался еще со своею шайкою нападать и грабить аулы. Такъ, вчера вечеромъ къ намъ на бивакъ прибѣжали лазутчики и рассказали барону Врангелю, что Шамиль напалъ на Хунзахъ, раззоряетъ аулъ и беретъ все, что попало. Врангель назначилъ г.-м. Ракусу съ летучимъ отрядомъ идти къ Хунзаху и, буде возможно, „поймать“ Шамиля. Въ составъ летучаго отряда вошли 18-й стрѣлковый баталіонъ, нашъ сводный и 2-й Дагестанскаго полка.

На разсвѣтѣ мы выступили съ бивака и, какъ говорили солдаты, идемъ „ловить“ Шамиля. Съ горы спустились той же дорогой, по которой шли и вчера. Не доходя аула Ахатлю, повернули вправо и пошли по долинѣ; миновали аулъ Лабада, съ опрятными, хорошими саклями; здѣсь, у аула, было небольшое озеро съ чистой, прозрачной водой и съ водопадомъ высотой около 2-хъ сажень. Въ 2-хъ верстахъ за этимъ озеромъ насъ остановили у небольшой рѣчки, на берегу которой

расла по поясъ трава. Лошадей сейчасъ же пустили пастись, а мы залегли въ этой травѣ и тѣмъ хоть сколько нибудь укрылись отъ немилосердно палящихъ лучей солнца. Нѣкоторые офицеры соблазнились рѣчкой и пошли купаться, а я, размочивъ въ водѣ нѣсколько сухарей, закусилъ ими. Заиграли „по возамъ“ и мы тронулись. Къ полудню показался Хунзахъ. Представьте себѣ аулъ, самый обыкновенный, развѣ немножко побольше, притомъ состоящій исключительно изъ развалинъ, между которыми кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія сакли—это столица аварскаго ханства. Въ числѣ пострадавшихъ зданій были замки аварскаго хана и знаменитаго Хаджи-Мурата. Семейство послѣдняго живетъ и понынѣ въ Хунзахѣ, занимаясь хлѣбопашествомъ. Жители походили на нищихъ—оборванные, несчастные; женщины, по обыкновению, прятались отъ насъ, а дѣти, совершенно нагя, бѣгали кругомъ саклей и выглядывали изъ-за угловъ. Къ сѣверу отъ аула намъ показали мѣсто, гдѣ до 1843 года была наша крѣпость, отъ которой теперь остались еле-замѣтные слѣды въ видѣ небольшихъ окоповъ. Тамъ же виднѣлись огромнѣйшіе памятники умершимъ старшинамъ и лежали груды камней. Хунзахцы встрѣтили насъ очень радушно, выражая неподдѣльную радость по поводу нашего прибытія, такъ какъ этимъ спасались кое-какіе остатки отъ грабительства Шамля, который только-что убрался отсюда, узнавъ о нашемъ приближеніи. По краямъ дороги обращали особенное вниманіе огромныя плиты, на плоской сторонѣ которыхъ было высѣчено безчисленное множество ружей, кинжаловъ, головъ и ногъ человѣческихъ, а на одной изъ нихъ даже была вырѣзана медаль. Сзади памятниковъ воткнуты были въ землю шесты, вышиною отъ 4-хъ до 5-ти сажень, наверху которыхъ висѣло множество бѣлыхъ и красныхъ тряпокъ на подобіе флаговъ. Отъ одного изъ жителей мы узнали, что здѣсь похоронены наибы. убитые русскими въ салатавскомъ походѣ 1857 года близъ

Дылыма. При этомъ онъ объяснилъ, что флаги изъ тряпокъ означаютъ могилы джигитовъ, а изображенія на плитахъ указываютъ, сколько каждый изъ нихъ убилъ „урусовъ“ и какое прибрѣлъ отъ убитыхъ оружіе. Потомъ я увидѣлъ еще множество такихъ же памятниковъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ аула. Пройдя аулъ и оврагъ, лежащій за нимъ, мы стали подыматься на каменистую гору. Дорога была отвратительная; всюду валялись огромные камни, какъ будто нарочно брошенные съ вершины рукой гиганта, чтобы загроздить путь. Уже и солнце зашло и луна показалась на горизонтѣ, а авангардъ нашъ и не думаетъ останавливаться. Дойдя до раззоренной сторожевой башни, мы стали спускаться внизъ къ рѣчкѣ Аварское-Койсу. Но что это была за дорога! Съ одной стороны высочайшія скалы, а съ другой—такой обрывъ, что посмотришь страшно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она до того суживалась, что насилу могъ пройти выюкъ; мѣстами же обращалась въ настоящую каменную лѣстницу со ступенями. Для выюковъ это было мученіе; они черезъ каждыя 5 минутъ останавливались, а за ними и мы, что очень утомляло людей. Нашъ авангардъ давно уже былъ внизу и при лунномъ свѣтѣ ясно различалъ разбитыя палатки. Но, что это? Тамъ слышался крикъ „ура“, потомъ поднялся страшный шумъ, суматоха. Мы подумали, что на лагерь напали мюриды, но, странно—огни горятъ спокойно. Что такое? Такъ и не узнали. Тронулись дальше. Идемъ, идемъ, безъ конца идемъ; вотъ уже и разсвѣло, а мы все идемъ и идемъ.

30-го июля, четвергъ.

Со вчерашняго утра идемъ. Уже стало свѣтло совсѣмъ, а мы еще спускаемся; день насталъ, а мы все идемъ, но уже не по камнямъ, а по песку. Духота страшная, къ потному тѣлу пристаётъ пыль, животъ отъ голоду подводитъ, а мы все

идемъ да идемъ. Наконецъ спустились къ рѣкѣ. Лошадей развьючили и расположились бивакомъ; я взялъ у маркитанта осетинскаго сыру и, закусивши имъ съ сухарями, расположился отдохнуть, какъ вдругъ слышу горнисты играютъ генераль-маршъ. Что за причина? Только-что пришли—и опять идти, отдохнувши всего полчася! Солдаты уже засуетились, приготавливаясь идти, какъ въ это время большая партія чисто одѣтыхъ мюридовъ приблизилась къ биваку и спросила, гдѣ генераль. Изъ любопытства я пошелъ къ палаткѣ ген. Ракусы, которую собирались уже снимать, и ждалъ что будетъ. Подѣхавъ къ генеральской палаткѣ, они остановились; нѣсколько удалцевъ, быстро соскочивъ съ коней, разослали бурку и съ подобострастіемъ сняли съ лошади почтеннаго старца лѣтъ шестидесяти. Одѣтый въ черкеску темносиняго сукна, онъ имѣлъ большую красную бороду и повязку на головѣ съ длиннымъ концомъ сзади, который отличалъ его отъ всѣхъ остальныхъ мюридовъ. Онъ сѣлъ на буркѣ, поджавши подъ себя ноги, и послалъ доложить о себѣ начальнику. Генераль Ракуса, не желая уронить своего достоинства, приказалъ просить старца къ себѣ въ палатку. Нѣсколько человѣкъ сейчасъ же взяли за бурку и на ней съ особенной осторожностью и любовью перенесли почетнаго гостя въ палатку. Тутъ Ракуса поздоровался съ нимъ, усадилъ его въ своемъ походномъ стулѣ и, угощая чаемъ, велъ разговоръ черезъ переводчика. Генераль прекрасно зналъ туземный языкъ, но церемонія съ переводчикомъ была необходима, такъ какъ въ глазахъ восточныхъ народовъ она придаетъ переговаривающемуся лицу особенную важность. Этотъ старецъ былъ Кибить-Магома, ученикъ и зять Шамиля, проживавшій въ неприступномъ аулѣ Тилитъ. Считаясь въ Дагестанѣ высокою духовною особой и пользуясь любовью и привязанностью народа, Кибить-Магома былъ хотя и строгимъ, но справедливымъ начальникомъ и не стѣснялся иногда сносить буйныя головы правовѣрнымъ, если

они этого заслуживали. Находясь въ подчиненіи у Шамиля, онъ часто, если по обстоятельствамъ дѣла требовалось, не только не слушалъ Шамиля, но шелъ вразрѣзъ съ его требованіями. Шамиль долго точилъ на него зубы, наконецъ не вытерпѣлъ и засадилъ въ яму, гдѣ Магома и просидѣлъ нѣсколько лѣтъ. Теперь, когда Шамилю пришлось круто и горцы потеряли къ нему всякій страхъ, они выпустили изъ ямы Кибитъ-Магому. Послѣдній въ отмѣстку Шамилю склонилъ горцевъ отложиться отъ него и принести покорность русскому правительству. Это обстоятельство было очень важно для насъ: только благодаря ему намъ такъ легко далось взятіе и ахъ-кентскихъ высотъ, гдѣ мы не потеряли ни одного солдата, и дальнѣйшее движеніе вглубь нагорнаго Дагестана. Кибитъ-Магома по окончаніи переговоровъ вышелъ изъ палатки и, прощаясь очень величественно съ генераломъ, просилъ выдать ему свидѣтельство на повиновеніе себѣ Аваріи. Свидѣтельство было дано, но когда прочитали его, Кибитъ-Магома замѣтилъ, что лучше было бы вмѣсто выраженія „повиновались“ написать: за послушаніе онъ, Магома, имѣетъ право рѣзать имъ уши и головы. Ракуса засмѣялся и приказалъ написать другое. Кибитъ-Магома удовлетворился и, посаженный своими приближенными на лошадь, торжественно уѣхалъ.

Съ мѣста отдыха мы потянулись вдоль лѣваго берега Аварскаго-Юнсу; нашъ баталіонъ шелъ въ авангардѣ. Пройдя около 2-хъ верстъ, приблизились къ небольшому аулу Голотъ. Здѣсь дорога переходила на правый берегъ рѣки черезъ висячій мостъ, устроенный на тонкихъ перекладинахъ. По обѣимъ сторонамъ его, на обоихъ берегахъ, были выстроены высокія башни, сквозь которыя проходили ворота. Черезъ эти-то ворота намъ и надлежало пройти, чтобы перебраться на ту сторону. Мостъ подъ нами такъ качался, что мы ожидали каждую минуту, что онъ провалится, особенно когда пе-

реходила артилерія. Пронесся слухъ, будто жители устраиваютъ засаду и намъ будетъ плохо; во всякомъ случаѣ, когда авангардъ, пройдя мостъ, остановился, приказано быть готовымъ къ перестрѣлкѣ. Мы ждали пока весь отрядъ съ вьюками перешелъ на правый берегъ рѣки, но все было спокойно; видно, горцы окончательно рѣшили покориться: даже въ такую удобную для нихъ минуту нападенія не было. Къ вечеру мы добрались до подошвы тилитлинской горы и остановились у рѣки.

Начиная отъ перехода черезъ висячій мостъ насъ сталъ мочить проливной дождь, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, иногда съ градомъ, такъ что, прійдя на ночлегъ, мы до ниточки промокли. Вьюки съ палатками еще не прибыли, а тутъ, по обыкновенію, съ вечера наступилъ холодъ, отъ котораго зубъ-на-зубъ не попадалъ. Наконецъ-то, когда уже совсѣмъ стемнѣло, явились вьюки, намъ разбили палатки и мы стали грѣться чаемъ.

Сегодня 6 лошадей съ вьюками слетѣли въ пропасть, въ томъ числѣ лошадь моего товарища, прапорщика Бѣгановскаго, который такъ и остался безъ вещей.

1-го августа, суббота.

Вотъ уже второй день стоимъ лагеремъ подъ горою Тилитль. Дни стоятъ ясные, мы просушиваемся сами и сушимъ свое имущество. Въ ротахъ раздаются пѣсни, идетъ чистка ружей и смазка высушенныхъ сапогъ. Общій видъ бивака опять мало чѣмъ отличался отъ лагеря въ мирное время—таковъ ужъ русскій солдатъ: дай ты ему только немного отдохнуть и обогрѣться, и онъ воспрянетъ духомъ, точно раньше ничего и не было. А сколько пришлось перенести невзгодъ и лишеній—одинъ только Богъ вѣдаетъ!

Сегодня пріѣхалъ къ намъ командиръ Дагестанскаго кон-

но-иррегулярнаго полка полковникъ кн. Чавчавадзе съ частью своего полка, а за нимъ ротмистръ Ибрагимъ-ханъ Мехтулинскій со вновь набранною аварскою милиціею, въ которой бросалось въ глаза безчисленное множество разноцвѣтныхъ значковъ. Вечеромъ было отдано приказаніе съ разсвѣтомъ выступать.

2-го августа, воскресенье.

Утро было очень холодное; за ночь пошелъ дождь и шелъ до утра. Нашъ баталіонъ былъ назначенъ въ арьергардъ. Подъ дождемъ и безъ палатокъ мы ждали пока собрались два другихъ баталіона со всѣми выюками и прошли мимо насъ. Наконецъ, и мы тронулись. Стоялъ густой и сырой туманъ, такъ что въ двухъ шагахъ не было видно ничего, и мы подвигались довольно медленно, хотя дорога была и недурная. Къ 9-ти или 10-ти часамъ утра поднявшійся вѣтерокъ разогналъ тучи, а выглянувшее солнце, разсѣявъ туманъ, открыло намъ впередилежащую мѣстность. Къ неописанной нашей радости мы увидѣли, что авангардъ остановился и разбиваетъ палатки. Вскорѣ и мы, присоединившись къ нему и разбивъ въ свою очередь палатки, расположились бивакомъ.

Противъ насъ на правомъ берегу Аварскаго-Койсу возвышалась какъ-то отдѣльно огромная гора, основаніе которой упиралось въ скалистые, почти отвѣсные бока, отчего казалось она стояла на каменномъ пьедесталѣ; на верхней площадкѣ горы виднѣлся аулъ. Это былъ Гунибъ съ ауломъ того же имени, куда, по извѣстіямъ, скрылся Шамиль. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ бѣглыхъ солдатъ и лазутчиковъ, стремившихся наперебой услужить русскому генералу, Шамиль подрывалъ гору въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была доступна, возводилъ завалы, устраивалъ стѣнки и другія препятствія на всѣхъ тропинкахъ, приказалъ натаскать къ обрывамъ кучи камней,

чтобы сбрасывать ихъ на насъ, если мы все-таки полѣземъ. Для большаго воодушевленія, онъ приказывалъ своимъ женамъ и невѣсткамъ носить камни, что тѣ и дѣлали съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Вокругъ подошвы гунибской горы разбросано было множество небольшихъ хуторовъ, каждый въ 10 или около того саклей; всѣ эти аулы вмѣстѣ составляли такъ называемое куйдинское общество, т. е. подгорныхъ жителей ⁴⁾).

Передъ вечеромъ я ходилъ съ командой отъ всѣхъ ротъ за хворостомъ и фуражемъ; мы спустились въ балку, гдѣ былъ хворостъ и хорошая трава, и очень утомились, взбираясь обратно на гору. Вечеромъ, закусивъ съ удовольствіемъ солдатскихъ щей и каши, я легъ въ палаткѣ на разостланномъ коврѣ и заснулъ какъ убитый.

3-го августа, понедѣльникъ.

Проснулся довольно поздно. Деньщикъ доложилъ, что рота наша уже ушла на пикетъ, а меня ротный командиръ не приказалъ будить, чтобы я отдохнулъ послѣ вчерашней фуражировки. День былъ великолѣпный. На небѣ ни облачка, а воздухъ такой свѣжій и чистый, что не хочется заходить въ палатку. Я взялъ свой походный альбомъ и, сѣвъ на камень возлѣ палатки, началъ рисовать гору Гунибъ-дагъ, о которой теперь повсюду такъ много говорили. Послѣ обѣда легъ отдохнуть, но скоро проснулся отъ шума и громкаго говора солдатъ. Множество горцевъ, пѣшихъ и конныхъ, толпилось возлѣ палатки г.-м. Ракусы. Я спросилъ одного изъ солдатъ, но толку отъ него не добился: не то горцы привели бѣглыхъ и плѣнныхъ, не то принесли имущество, отбитое у Шамиля. Въ это время толпа стала расходиться и часть ея направилась въ нашу сторону: къ намъ вели двадцать пять бѣглыхъ

⁴⁾ Куйда—значить „подъ горой“.

и плѣнныхъ солдатъ, которыхъ приказано разобрать поротно и впредь до особаго распоряженія продовольствовать въ ротахъ. Въ нашу роту были назначены пять мужчинъ и одна женщина. Мужчины были въ азіятскихъ платьяхъ, съ бритыми головами, съ отрощенными бородами и ничѣмъ не отличались отъ горцевъ. И обласкавъ одного изъ нихъ, напоилъ чаемъ и, разспросивъ, узналъ отъ него слѣдующее. „Насъ много въ горахъ, и бѣглыхъ и плѣнныхъ. Большая часть нашей братии поженилась на татаркахъ, имѣетъ дѣтей и хозяйство, и насъ ничѣмъ не отличали отъ коренныхъ жителей ауловъ; многіе, для виду, приняли даже магометанскую вѣру—такихъ еще больше любили старшины и наибы. Намъ тамъ было очень хорошо; но крещеному народу не жизнь между татарскимъ сбродомъ—все тянуло къ своимъ, а выйти отъ нихъ нельзя; пуще же всего насъ пугали гауптвахта и ссылка за побѣгъ. Вотъ недавно отданъ по ауламъ приказъ генерала, чтобы всѣ бѣглые и плѣнные выходили изъ горъ, что имъ Государь все прощаетъ. Обрадовалась наша братья, и нѣкоторые поторопились, побросали и женъ, и все добро и пошли въ лагерь; но татары переловили ихъ на дорогѣ и всѣхъ поубивали. Узнали мы это, присмирѣли и бросили свою думку задумшевую: боязно стало, что поймаютъ и убьютъ. Но вотъ нашъ старшина, желая вѣрно прислужиться генералу, собралъ всѣхъ насъ, съ женами и добромъ, которое мы могли взять съ собою, и привелъ сегодня къ генералу. Теперь, слава Богу, мы спокойны, что будемъ живы, пока Господь Богъ терпитъ грѣхи наши; тамъ же у этихъ нехристей всякъ часъ надѣйся быть убитымъ. Здѣшніе татары стали такими продувными, что и самого Шамиля не боятся. Вотъ намердись, кажись числа 30-го или 31-го іюля, онъ проѣзжалъ черезъ нашъ аулъ на эту гору, Гунибъ-дагъ, со всѣмъ своимъ семействомъ. Жители про то узнали и засѣли въ лѣсу у дороги. Какъ только проѣхалъ

Шамиль съ своимъ семействомъ и конвоемъ, они бросились на его казну, что ѣхала позади, и разграбили все дѣчиста. Лошадей отняли болѣе тридцати; однихъ мѣшковъ съ золотомъ и серебромъ забрали болѣе восьми. Все промежъ собой раздѣлили, и одинъ только мѣшокъ да чемоданъ съ бумагами притащили вмѣстѣ съ нами къ генералу. Но онъ, говорятъ, не принявъ этой казны, а отослалъ къ Кибитъ-Магомѣ. Съ Шамилемъ уѣхало на гору не болѣе 300 или 400 мюридовъ; въ числѣ ихъ было нѣсколько бѣглыхъ солдатъ. Про гору эту говорятъ жители, что она неприступна со всѣхъ сторонъ, что только и есть одна дорожка съ противоположной отъ насъ стороны, но ее сильно укрѣпили каменными стѣнками въ нѣсколько рядовъ и поставили противъ этой дорожки большое чугунное орудіе; всѣ же другія орудія, что были у Шамиля, сложены въ аулѣ Инхѣ, неподалеку отъ Хунзаха.“ Мой гость, оказавшійся плѣннымъ казакомъ Терскаго казачьяго войска, сообщилъ также, что его взяли въ плѣнъ въ садахъ на Терекѣ, что онъ въ плѣну уже лѣтъ шесть и что дома, на Терекѣ, его ждетъ-не-дождется молодая жена; она нѣсколько разъ посылала ему записки, и ежели теперь его отпустятъ безъ слѣдствія, то онъ, какъ стрѣла, полетитъ въ родную станицу. Между плѣнными выдѣлялся стройный мужчина съ огромной бородой и болѣзненнымъ лицомъ: это урядникъ того же войска, взятый въ плѣнъ въ какомъ-то дѣлѣ, гдѣ онъ упалъ съ лошади и, изнемогая отъ ранъ, остался незамѣченнымъ въ густыхъ кустахъ. Всѣ плѣнные одѣты были крайне бѣдно и походили на толпу нищихъ. Наши солдатики приняли ихъ очень радушно, долго спрашивали ихъ и угощали.

4-го августа, вторникъ.

Вечеромъ, готовясь уже лечь спать, получилъ приказаніе идти въ секретъ. Нечего дѣлать—одѣлся потеплѣе и от-

правился на указанное мѣсто, отстоящее версты на двѣ отъ бивака, ближе къ горѣ Гунибъ-дагу. Ночь, сначала довольно темная, вдругъ освѣтилась полнымъ мѣсяцемъ, когда умчались куда-то тучи. Съ Гуниба произвели одинъ за другимъ три выстрѣла, вѣроятно по насъ, но все обошлось благополучно. Шагахъ въ 300—400 отъ насъ, еще ближе къ Гунибу, почти всю ночь раздавались горскія пѣсни. Кто тамъ, пѣлъ—неизвѣстно; только на всякій случай я приказалъ своему секрету быть насторожѣ и стрѣлять при приближеніи къ намъ людей; но пѣвцы, какъ видно, оставались на одномъ мѣстѣ.

6-го августа, четвергъ.

Сегодня Преображеніе Господне, но мы вспомнили о немъ только вечеромъ, такъ какъ нашему брату праздникъ когда нечего дѣлать, а сегодня порядочно устали, ходя на фуражировку и за дровами. Послѣ ранняго обѣда насъ вызвали на линейку для встрѣчи командующаго войсками. Онъ пріѣхалъ съ большою свитою и, поздоровавшись съ нами, благодарилъ отъ имени главнокомандующаго за молодецкую службу. Въ свитѣ, сопровождавшей барона Врангеля по фронту, я замѣтилъ нашего добраго полковника Радецкаго и дежурнаго штабъ-офицера подполковника Девеля; у обоихъ на груди красовались новенькіе георгіевскіе кресты съ наскоро привязанными ленточками; эти кресты Врангель привезъ отъ главнокомандующаго и собственноручно прикололъ къ ихъ груди. Вечеромъ пришли два баталіона Апшеронскаго полка и расположились около насъ, по другую сторону дороги. Дождь мочилъ ихъ въ дорогѣ часа четыре, и они, промокшіе до костей, сидѣли теперь въ грязи, ожидая прихода व्यюковъ съ палатками.

7-го августа, пятница.

Послѣ обѣда отправился въ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, который вчера подошелъ къ нашему лагерю; тамъ много у меня было знакомыхъ офицеровъ, и я зашелъ въ палатку къ Святополкъ-Мирскому. Привели плѣнныхъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ поражалъ своею памятью. Онъ былъ 10 лѣтъ въ плѣну у горцевъ и за это время не забылъ всѣхъ своихъ бывшихъ начальниковъ; адъютанта Бачинскаго узналъ сразу, назвалъ его даже по имени и отчеству, сказалъ въ какой онъ былъ ротѣ юнкеромъ и припоминалъ много подробностей.

Сегодня, собравъ бѣглыхъ и плѣнныхъ солдатъ, подъ прикрытіемъ 80-ти стрѣлковъ, ходили осматривать мѣстоположеніе Гунибъ-дага, но скоро возвратились обратно, потому что, несмотря на вечеръ, горцы насъ замѣтили, открыли стрѣльбу и начали сбрасывать камни.

8-го августа, суббота.

Часа въ 4 послѣ обѣда прибыли къ намъ изъ лезгинскаго отряда три баталіона гренадерской дивизіи и расположились лагеремъ около 2-го баталіона Дагестанскаго полка. Они говорили, что и самъ главнокомандующій скоро пріѣдетъ къ намъ. За гренадерами пришелъ эшачій транспортъ, подъ командой моего товарища по ротѣ прапорщика Ростомбекова. Эшаковъ было безчисленное множество, и надо было удивляться силѣ и выносливости этого маленькаго животного, которое, не обращая вниманія ни на какую дорогу, свободно несло на своей спинѣ по два холщевыхъ мѣшка съ 6-ю пудами сухарей.

Являясь сегодня, какъ дежурный, командиру баталіона майору Балашевичу, я узналъ, что въ Шуру скоро идетъ оказія подъ командою майора Видганта за продуктами для отряда, а также для отвода туда бѣглыхъ и плѣнныхъ солдатъ,

число которыхъ, увеличиваясь ежедневно, достигло теперь почтенной цифры 200 человекъ. Предполагалось гору Гунибъ-дагъ обложить со всѣхъ сторонъ и стоять тутъ до тѣхъ поръ, пока Шамиль не сдастся или пока не возьмутъ ее штурмомъ. Ходили слухи, что главнокомандующій сдѣлалъ уже распоряженіе о заготовленіи для войскъ калмыцкихъ палатокъ, такъ какъ на этихъ высотахъ палатки не годились въ осеннее, а тѣмъ болѣе въ зимнее время.

9-го августа, воскресенье.

Въ три часа пополудни нашъ сводно-стрѣлковый и 2-й баталіоны Дагестанскаго полка, подъ командой полкового командира, выступили изъ лагеря. Намъ приказано было перемѣнить позицію и стать ближе къ горѣ Гунибъ-дагъ. Подойдя къ подошвѣ ея, мы повернули налѣво, спустились въ огромный оврагъ, прошли его и расположились лагеремъ. Жители встрѣтили насъ очень радушно, вынесли офицерамъ фрукты, хвалили русскихъ, а Шамиля ругали самыми скверными словами. По дорогѣ, близъ ауловъ, расло очень много орѣховъ и айвы. Первые отличались огромными размѣрами и множествомъ еще незрѣлыхъ плодовъ; айва же, съ широкими темнозелеными, точно навосченными листьями, была обременена оранжевыми фруктами, вѣсъ которыхъ доходилъ до 2½ фунтовъ. Площадка, на которой мы расположились лагеремъ, была такъ мала и такъ завалена камнями, что не находилось мѣста разбить офицерскія палатки. Горцы, замѣтивъ наше приближеніе къ Гунибу, начали насъ беспокоить выстрѣлами, вслѣдствіе чего отъ нашего баталіона послали унтеръ-офицерскій пикетъ, а послѣ пробитіи зари заложили секретъ изъ 40 человекъ. Мюриды оставили насъ въ покоѣ.

10-го августа, понедельник.

Въ шесть часовъ утра 4-я и 5-я роты (стрѣлковъ) Дагестанскаго полка выступили изъ лагеря для рекогносцировки окрестностей Гунибъ-дага. Пройдя не болѣе полуверсты, мы стали спускаться въ глубокий оврагъ. Тропинка, ведущая на дно, пролежала по очень крутому берегу и была такъ узка, что съ трудомъ можно было утвердить ногу; подъемъ изъ оврага былъ еще хуже. Люди страшно растянулись. Собравшись, наконецъ, около пикета на горѣ, мы стали ожидать пріѣзда командира полка. Пикетъ состоялъ изъ 10-ти милиціонеровъ, подъ командою прапорщика Фезиллы; онъ занималъ вершину камня, съ площадкою около $4\frac{1}{2}$ аршинъ въ поперечникѣ. Вотъ показался и нашъ полковникъ. 4-ю роту онъ оставилъ около пикета, а мы пошли вдоль горы на сѣверъ. Сверху посыпались на насъ пули, но, къ счастью, никого даже не задѣло. Замѣтивъ неудачную стрѣльбу, мюриды стали бросать огромные камни, которые, падая съ страшной высоты, разбивались вдребезги и производили необыкновенный шумъ и трескъ. Но мы, какъ заколдованные, невредимо подвигались впередъ, не обращая вниманія на непріятеля. Одинъ мюридъ, видя что насъ ничто не пронимаетъ, спустился на среднюю террасу горы и началъ по насъ стрѣлять. Командиръ приказалъ назначить пять лучшихъ стрѣлковъ изъ каждой роты и снять этого храбреца. Солдаты съ радостью выскочили и засѣли за камень; раздались выстрѣлы. Бѣднягѣ, должно быть, круто пришлось: ни разу уже не выстрѣлилъ. Мы вышли на площадку, гдѣ насъ укрыли за камнями, а полковникъ Радецкій съ милиціонерами, подъ сильнымъ огнемъ, поѣхалъ осматривать мѣстность, чтобы выбрать мѣсто для общаго лагеря и опредѣлить откуда удобнѣе атаковать гору. Что атаковать будемъ—въ этомъ никто не сомнѣвался; ждали только пріѣзда главнокомандующаго. Что касается насъ, то мы, какъ

ни присматривались къ горѣ, не видѣли на ней ни одной тропинки, о которыхъ слышали; вездѣ виднѣлись отвѣсныя скалы, спускавшіяся въ видѣ террасъ одна подъ другой. Милиціонеры начали разговаривать на горскомъ языкѣ съ мюридами, сидѣвшими на горѣ. Забавно было слушать ихъ разговоры на такомъ огромномъ разстояніи. Прежде изо всей силы кричали протяжно—„О! о! Ма!-го!-ма!“ По этому сигналу на горѣ мюриды утихаютъ и прислушиваются, а милиціонеры кричатъ во все горло, плавно и раздѣляя каждое слово по слогамъ. Когда нашъ кончитъ кричать, съ горы ему отвѣчаютъ такимъ же способомъ. Нашъ милиціонеръ совѣтовалъ имъ образумиться и сдаться, потому что русскихъ такъ много, что ихъ гору разберутъ по кускамъ, и тогда мюридамъ несдобровать. Они отвѣчали, что ежели еще сто такихъ отрядовъ прійдетъ, то и тѣ не возьмутъ Гуниба, потому что на эту гору ведетъ только одна тропа, противъ которой поставъ хоть бабу съ ружьемъ, и та не пуститъ никого; а такъ какъ на этой тропѣ не баба стоитъ, а три каменные стѣны, охраняемые самыми отчаянными мюридами, то никто влѣзть туда и не думай. На горѣ, вѣроятно, были и бѣглые солдаты, потому что оттуда очень часто кричали намъ порусски: „За чѣмъ вы пришли сюда? Мѣста вамъ мало, что-ли?“—и все это пересыпалось самыми отборными словами.

Тѣмъ временемъ полковникъ Радецкій, осмотрѣвъ мѣстность, вернулся къ намъ и послалъ насъ къ пикету, гдѣ оставалась 4-я рота. Съ горы ожесточенно стрѣляли, но, благодаря Бога, только одного стрѣлка контузило въ бокъ. Пуля щелкнула о ребро такъ отчетливо, что мы услышали звукъ. Съ него сняли патронташъ, взяли ружье, и онъ до лагеря дошелъ самъ.

День былъ страшно жаркій и мы порядкомъ изнурились. Въ лагерѣ застали почти всѣхъ нашихъ офицеровъ съ биноклями въ рукахъ. Они все смотрѣли на Гунибъ-дагъ, тщетно

отыскивая на ней какую нибудь тропинку, по которой можно бы было взобраться на вершину.

Сегодня отдано приказаніе, четыремъ ротамъ нашего баталіона, въ томъ числѣ и нашей, завтра передвинуться на мѣсто, выбранное нынче полковникомъ Радецкимъ.

11-го августа, вторникъ.

Въ два часа пополудни мы выступили на новую позицію. 1-ю роту послали впередъ съ шанцевымъ инструментомъ расчищать новую тропинку, которая шла ниже вчерашней и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была гораздо хуже. Мы находились въ арьергардѣ; впереди нашей роты выступалъ старикъ Балашевичъ, сзади него шелъ Асѣвъ, за нимъ я. Шли, шли и пришли, наконецъ, къ такому мѣсту, что, какъ говорится, ни тпру, ни ну; кое-какъ, почти ползкомъ, кряхтя и держась за скалу, пролѣзъ нашъ баталіонеръ и чуть не упалъ; потомъ пролѣзъ Асѣвъ. Шутя, я крикнулъ ему: „смотрите, упадете, поручикъ!“ за что получилъ выговоръ отъ перепуганнаго Балашевича: „что вы дѣлаете? вѣдь вы можете испугать и погубить человѣка!“ Я засмѣялся и проворно пробрался черезъ пропасть, къ немалому восторгу Балашевича, спросившаго даже, гдѣ я учился гимнастикѣ. Наши вьюки пошли лѣвѣе, по расчищенной дорогѣ, такъ какъ путь, по которому мы шли, былъ для нихъ непроходимъ. Наконецъ-то пришли на мѣсто. Здѣсь предполагалось стоять до сдачи Шамиля или до штурма, слѣдовательно надо было устроиться получше. Офицеры тотчасъ приказали своимъ денщикамъ сложить изъ дерна койки и столики, на которыхъ сначала появлялись подсвѣчники, разбитыя зеркальца и гребешки, а потомъ стали приманивать самовары, подавать обѣдъ и ужинъ. Передъ разбивкой лагеря былъ посланъ къ сторонѣ горы Гунибъ пикетъ, по которому мюриды сверху открыли огонь, но какъ

только наши молодцы отвѣтили съ пикета, стрѣльба у нихъ замолкла. Палатка моя пришлась противъ огромной Чемоданъ-горы или Тилитль-тау. У подошвы ея толпились второстепенныя горы, а отъ нихъ всюду виднѣлись только поля, засѣянные хлѣбами. Дни стоятъ все время отличные. Воздухъ чистый и свѣжій, иногда немного прохладный; только ночи холодныя, хоть укрывайся шубой.

12-го августа, среда.

Устроились на бивакѣ и теперь отдыхаемъ до выясненія обстоятельствъ. Время проводимъ довольно мирно и тихо, въ ожиданіи чего-то, что должно случиться. Выстрѣлы съ горы раздаются очень рѣдко, вѣрно Шамиль берегетъ свои патроны; пускали одни только камни. Особенно много летѣло ихъ сегодня вечеромъ, во время ужина; на пути они ударялись въ нижнія террасы и, разбиваясь съ страшнымъ шумомъ, рикшетами разлетались въ разныя стороны. Ночь была тихая и теплая, и мы долго сидѣли, разговаривая, около палатокъ.

13-го августа, четвергъ.

Скука страшная, а дѣлать положительно нечего. Въ 8 часовъ пріѣхалъ въ лагерь помощникъ начальника дивизіи г.-м. Манюкинъ; насъ вызвали передъ палатками, но онъ, объѣхавъ 1-ю роту, приказалъ всѣхъ распустилъ. Послѣ обѣда горцы выгнали на гору пасть свою скотину; намъ отлично было видно снизу. 17-я рота, не долго думая, подвинулась ближе къ горѣ, дала залпъ и убила нѣсколько штукъ рогатаго скота, который скатился къ намъ съ горы. Завтра идти въ секретъ съ 30-ю стрѣлками.

14-го августа, пятница.

Къ вечеру погода, какъ на зло, церемѣнилась: ясный и

теплый день смѣнился очень холодною ночью, пошелъ дождь, молніи поминутно прорѣзывали тучи,—а надо было собираться въ секретъ. Поужинавши, надѣлъ пальто, башлыкъ поверхъ папахи и пошелъ собирать людей. Въмѣсто молодцовъ стрѣлковъ, къ которымъ я привыкъ, назначили мнѣ стариковъ гренадеровъ, съ огромными баками; намучился я съ ними сегодня порядочно! Дождь не переставалъ, размачивая землю и обращая ее въ жидкую грязь. Подыматься на гору было просто несчастьемъ: темно, тропинки не видать, а скользко такъ, что я въ одномъ мѣстѣ чуть не полетѣлъ въ кручу и только благодаря расторопности шедшаго сзади меня унтеръ-офицера остался въ живыхъ. Прийдя на мѣсто, я вправо и влѣво послалъ секреты, по 5-ти человѣкъ, а самъ съ главнымъ секретомъ расположился за камнями. На Гунибѣ только одинъ мюридъ-фанатикъ завывалъ свою священную пѣсню: „Ля иль-ага иль Аллахъ...“, но и онъ, бросивъ на насъ нѣсколько камней, умолкъ. Водворилась полнѣйшая тишина, только и слышно было какъ ночная птица гдѣ-то кричала своимъ зловѣщимъ крикомъ. Мой секретъ тоже утихъ и началъ понемногу похрапывать. Бѣда быть въ секретѣ съ солдатами не своей роты: что я ни дѣлалъ съ ними—и будилъ пинками, и ставилъ на часы возлѣ камней—ничто не помогало; только отвернешься—а они уже захрапѣли! Наконецъ вывели меня изъ терпѣнія и я приказалъ всѣмъ сидѣть, не смѣя ложиться до разсвѣта. Передъ разсвѣтомъ, вѣроятно, мулла прокричалъ наверху; этотъ звукъ, какъ эхо, раздался во всѣхъ концахъ горы и тамъ замолкъ. Скоро на насъ опять полетѣло нѣсколько камней; одинъ изъ нихъ должно быть былъ очень большой, такъ какъ летѣлъ съ страшнымъ шумомъ и, разбившись о выступъ скалы, какъ брызгами сыпнулъ кругомъ осколками, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ долетѣли даже до насъ, не ранивъ однако никого. Потомъ все опять затихло.

15-го августа, суббота.

Ходятъ слухи, что съ Шамилемъ ведутся переговоры о сдачѣ, а сегодня говорили, что онъ уже сдался, но мы этому не повѣрили. Къ намъ каждый день прѣзжаетъ гонецъ съ приказаніемъ то начинать военныя дѣйствія, то пріостанавливать ихъ. Эти приказанія привозились къ намъ изъ главнаго лагеря, слѣдовательно попадали по назначенію не ранѣе какъ на другой день, и то ночью, а потому и выходило большею частью, что мы стрѣляли по непріятелю когда надо было молчать и, наоборотъ, молчали когда нужно было стрѣлять.

19-го августа, среда.

17-го августа пришелъ къ намъ 18-й стрѣлковый баталіонъ; переночевавъ, онъ двинулся дальше и расположился лагеремъ за хребтомъ сѣвернѣ насъ, тоже у подошвы Гунибъ-дага. Утромъ потребовали въ главный штабъ нашего командира полка; вмѣстѣ съ тѣмъ получено приказаніе не стрѣлять по жителямъ Гуниба, такъ какъ съ Шамилемъ ведутся переговоры.

21-го августа, пятница.

Вчера опять былъ въ секретѣ. Ночь была свѣтлая, лунная. Вѣроятно, въ виду переговоровъ, мюриды даже камней не бросали съ горъ и только часовые, перекликаясь, нарушали тишину ночи. Служба идетъ крайне однообразно. Прапорщички и подпоручики ходятъ по очереди въ секретъ, а ротные командиры дежурятъ по баталіону и ходятъ съ командами за фуражемъ и дровами. Кутежи съ пѣсенниками уже выходили изъ моды, и всѣ жили очень расчетливо. По утрамъ мы собираемся на середину баталіона и слушаемъ предложенія старыхъ офицеровъ относительно штурма Гуниба. Капитанъ К. послалъ даже въ штабъ свой проектъ, приложивъ вмѣсто пла-

на нарисованный мною видъ Гуниба. Другой капитанъ И., чело-
вѣкъ рѣшительный, извѣстный всѣмъ своею храбростію, былъ
похладнокровнѣе, не такъ смѣло грозилъ Шамилю, и хотя въ
былое время всюду напрашивался въ охотники, но теперь,
смотря на отвѣсныя скалы, только качалъ головой и приго-
варивалъ: „Наврядъ ли возьмемъ съ этой стороны—что-то не
видно туда дороги.“ Но К. горячился, доказывалъ, что воз-
можно, что ему бы только разрѣшили, и онъ съ своею ротою
возьметъ; надо только выждать густого да сухого тумана и,
прикрываясь имъ, нечаянно выйти на гору. Эти разговоры
обыкновенно прерывались капитаномъ М., который, выходя
изъ своей палатки и расправляя черныя длинныя бакенбарды,
приговаривалъ: „А что, господа, пока еще не взяли Шамиля,
не сыграемъ ли пульку?“ И капитаны, оставивъ въ покоѣ Ша-
миля, садились за зеленый столъ; за ними отправлялись пра-
порщики и рѣзались въ преферансъ гдѣ нибудь на полу, на
коврѣ, причемъ бывали и такіе случаи, что били козырныхъ
тузовъ, а играющій часто оставался безъ всѣхъ, и только по-
слѣ игры соображалъ, что у него козырной тузъ не взялъ.

22-го августа, суббота.

Послѣ пробитія вечерней зари была получена бумага слѣ-
дующаго содержанія: „По случаю прекращенія переговоровъ,
предписывается съ полученіемъ сего открытъ противъ Гуни-
ба непріязненныя дѣйствія.“ Это означало—не пускать ни од-
ного мюрида показываться на горѣ или спускаться на терра-
сы, какъ это они дѣлали, чтобы удобнѣе было видѣть и стрѣ-
лять по насъ. Секреты ушли и мы были опять насторожѣ.

24-го августа, понедѣльникъ.

Ширванцы заняли сады и хуторокъ со стороны Кара-

Койсу и подвинулись къ заваламъ, а мы все еще стоимъ въ бездѣйствіи. Говорятъ, что послѣ долгихъ переговоровъ о сдачѣ Шамиль, настроенный, вѣрно, своими сподвижниками, прислалъ кн. Барятинскому довольно дерзкое письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ мира не требуетъ, но подъ извѣстными условіями проситъ свободнаго пропуска; если это сдѣлаютъ—хорошо, а нѣтъ, такъ онъ надѣется на Бога, который сильнѣе всѣхъ, и что у него „сабля наострена и рука готова.“ Поэтому-то главнокомандующій и рѣшилъ продолжать дѣйствія, о чемъ и было намъ сообщено 22-го августа.

25-го августа, вторникъ.

Утромъ, по обыкновенію, мы вышли изъ палатокъ посмотреть, что дѣлается на горѣ. Нѣкоторые вооружались подзорной трубой, но ничего не замѣчали. Все обстояло благополучно. Часу въ десятомъ, проходя мимо палатки командира полка, я замѣтилъ, что около нея стояли переводчики и должностные, и всѣ они не отрывали глазъ отъ горы. Я присоединился къ нимъ и, всмотрѣвшись хорошенько, увидѣлъ массу солдатъ, двигавшихся по террасѣ. Вдругъ раздался сигналъ: „лѣвому флангу наступленіе,“ а немного спустя прибѣжалъ съ пикета солдатъ и, еле переводя дыханіе отъ усталости, передалъ, что какой-то офицеръ кричитъ, проситъ идти къ нему на помощь въ гору. Командиръ полка приказалъ тотчасъ же играть „къ столу, бѣгомъ.“ Раздался сигналъ, и не прошло пяти минутъ, какъ всѣ роты, покончивъ наскоро съ обѣдомъ, уже строились на линейкѣ. Всѣ, до послѣдняго солдата, горѣли нетерпѣніемъ броситься скорѣе туда, гдѣ можетъ быть уже шла послѣдняя борьба. Полковой командиръ приказалъ мнѣ передать командиру 1-й роты, чтобы онъ выслалъ впередъ 20 человѣкъ съ шанцевымъ инструментомъ расчищать дорогу въ гору. За нами потянулась 5-я стрѣлковая рота, по-

томъ 1-я стрѣлковая, 4-я стрѣлковая, 1-я и 17-я нумерныя роты. Командиръ полка, баталіонный командиръ и нѣсколько опытныхъ ротныхъ командировъ поѣхали по обходной тропѣ верхомъ; остальные офицеры шли при своихъ ротахъ. На площадѣ, гдѣ обыкновенно ночью лежалъ секретъ, а днемъ находился пикетъ, они присоединились къ намъ и, оставивъ лошадей, пошли съ нами пѣшкомъ. Отсюда уже ясно были видны наши войска, тянувшіяся по террасамъ. Съ трудомъ мы стали подыматься въ гору, но желаніе поспѣть вовремя на подмогу своимъ и еще большее желаніе покончить скорѣе съ имамомъ придавали всѣмъ бодрости; несмотря на трудность дороги, мы шли довольно скоро и отсталыхъ было очень мало. Не мало бодрости придавала намъ и двойная опасность: первая и главная—это камни, падавшіе изъ-подъ ногъ идущихъ впереди насъ солдатъ, отчего два или три были ранены; вторая, хотя и не такая грозная, потому, что отъ нея можно было защититься—это горцы, рыскавшіе у подошвы горы. Между ними было нѣсколько женщинъ, которыя страшно рыдали, рвали на себѣ волосы, ругали насъ и бѣжали назадъ и впередъ какъ помѣшанные. Видя, что мы идемъ безъ всякаго сопротивленія на гору, онѣ полагали, что уже всѣ близкіе ихъ погибли. Тропинка на первой террасѣ была еще сносная, хотя и очень узкая; но когда мы взошли на вторую террасу и повернули направо, она до того съузилась, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно было на ней утвердить ногу. Кромѣ того, она, какъ нарочно, усыяна была круглыми камешками, на которыхъ поминутно скользили ноги. Приходилось также перепрыгивать черезъ водомоины, довольно широкіе, а какъ взглянешь внизъ и увидишь бездонную пропасть—въ глазахъ мутится и голова идетъ кругомъ. Прыгая черезъ одну изъ нихъ, я чуть не оборвался внизъ: едва я успѣлъ поставить на землю одну ногу, какъ бѣжавшая за мною собачка Асѣва прыгнула мнѣ между ногъ; я отшатнулся на-

задъ, но, прыгнувшій предо мною солдатъ схватилъ меня за рукавъ. На этой же тропинкѣ намъ попались четыре каменныхъ завала, которые мы раззорили до основанія. Двигаясь дальше и втянувшись какъ бы въ щель самой горы, мы вдругъ очутились на ровной площадкѣ. Прямо передъ нами расширялось ущелье съ небольшими хуторами, а правѣе возвышались каменистыя горы. Около этихъ хуторовъ уже хлопотали наши солдаты, дѣлая ревизію всему, что осталось: кто выносилъ кувшины съ молокомъ и сыромъ, кто мѣдные котлы, а кто ружья и кинжалы, снятые съ убитыхъ мюридовъ. Наши охотники тоже бросились туда и начали загонять рогатый скотъ и лошадей. Съ этой площадки роты, выстроившись, пошли съ командиромъ полка далѣе, въ глубь, къ самому аулу Гунибу, въ которомъ, какъ говорили, заперся Шамиль, а нашу 5-ю стрѣлковую роту оставили при спускѣ на тропу, по которой мы поднялись, съ приказаніемъ не пропускать никого безъ записки ни туда, ни обратно. Подымаясь на гору, мы утомились порядкомъ, и теперь съ удовольствіемъ расположились на отдыхъ, хотя и хотѣлось пробраться ближе къ аулу. Мусульманскіе всадники съ арканами скакали по разнымъ направленіямъ и ловили лошадей, которыхъ тутъ же продавали офицерамъ отъ 5-ти до 10-ти рублей за штуку. Меня очень соблазняло купить лошадь, но товарищи отговаривали, увѣряя, что потомъ прикажутъ этихъ лошадей возвратить жителямъ. Я стоялъ со взводомъ отдѣльно отъ ротнаго командира, вмѣстѣ съ нѣсколькими мусульманскими всадниками. Отъ нечего дѣлать, я разговорился съ ними, любуясь изумительной ловкостью, съ которою товарищи ихъ ловили лошадей. Вдругъ одинъ изъ нихъ вскочилъ, выхватилъ изъ чохла винтовку, отбѣжалъ нѣсколько шаговъ вправо и, приложившись, выстрѣлилъ. Изъ пещеры также раздался выстрѣлъ; пуля просвистѣла мимо нашихъ ушей, но благополучно миновала. Всадникъ подбѣжалъ еще ближе къ пещерѣ, выстрѣлилъ изъ пистолета,

вытащилъ трупъ мюрида, обобралъ платье и оружіе и, возвратившись ко мнѣ, сталъ спокойно продолжать разговоръ, будто исполнилъ службу. Черезъ часъ или полтора прискакалъ всадникъ съ запискою, въ которой было сказано: „оставить небольшой постъ съ унтеръ-офицеромъ при спускѣ, а съ ротою идти къ баталіону, стоящему у стѣнъ аула Гунибъ.“ Обрадованные, мы въ одну минуту собрали роту и потянулись ущельемъ, по указанію того же всадника. Дорогой онъ сообщилъ, что Шамиль не хочетъ сдаваться и что сейчасъ пойдутъ на штурмъ аула. Всѣ прибавили шагу. Глядя на гору снизу вверхъ, можно было думать, что Гуниѡ-дагъ наверху имѣетъ не болѣе 2—3 квадратныхъ верстъ, но вотъ, мы идемъ да идемъ по балкамъ и оврагамъ, а аула все нѣтъ и нѣтъ. Направо и налево горятъ хутора и скирды хлѣба; въ сакляхъ суетятся солдаты и вытаскиваютъ добычу, состоящую большею частью изъ сыру и молока, а мы все идемъ, не видя Гуниба. Наконецъ, съ вершины невысокаго холма нашимъ глазамъ открылся небольшой, но крѣпкій аулъ, окруженный войсками. Тутъ были гренадерская и 21-я пѣхотная дивизіи, стрѣлки 18-го и 21-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и линейный баталіонъ. Артилерія расположилась на позиціяхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Около дороги изъ аула къ Кара-Койсу виднѣлся березовый лѣсъ, въ которомъ, говорили, была довольно жаркая схватка мюридовъ съ ширванцами. Мюриды уже не стрѣляли, ожидая, чѣмъ кончатся переговоры поѣхавшаго въ аулъ полковника Лазарева съ Шамилемъ. Съ нашего мѣста можно было явственно видѣть звѣрскія лица мюридовъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, въ бѣлыхъ папахъ и черкескахъ. Они прохаживались взадъ и впередъ по кривымъ улицамъ аула, враждебно поглядывая на насъ. Пока шли переговоры, мы, стоя въ баталіонныхъ колоннахъ, вызвали впередъ пѣсенниковъ; страшный шумъ поднялся въ отрядѣ. Пользуясь близкимъ расположеніемъ нашего баталіона къ

аулу, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, отдѣлились, влѣзли на одну изъ крайнихъ саклей и стали разсматривать внутренность Гуниба. На улицахъ, кромѣ вооруженныхъ мюридовъ, никого не было видно. Женщины и дѣти заперлись въ сакляхъ, вѣроятно ожидая смерти. Не долго пришлось разсматривать эти картины: за нами послало начальство и, сдѣлавъ намъ выговоръ, пригрозило арестовать на будущее время за отлучку. Мы, конечно, поторопились вернуться въ свои роты.

Пріѣхалъ наконецъ адъютантъ главнокомандующаго и передалъ полковому командиру приказаніе его сіятельства: „Если переговоры полковника Лазарева не увѣнчаются успѣхомъ — аулъ начнутъ бомбардировать; по четвертому выстрѣлу изъ орудія войска съ крикомъ „ура“ должны броситься на аулъ и постараться взять Шамиля живымъ; тому, кто живымъ захватитъ Шамиля, назначена награда въ 10,000 рублей.“ Саклю, въ которой жилъ Шамиль, намъ указалъ тотъ же адъютантъ; она была гораздо выше остальныхъ и походила скорѣе на мечеть, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Но вотъ и солнце клонится къ западу, озаряя вершушки горъ своимъ багрянымъ свѣтомъ; голодъ и жажда начинаютъ мучить, а мы все стоимъ подъ ауломъ и поемъ пѣсни. Составились кружки; повсюду только и разговору, что о штурмѣ и у всякаго въ головѣ вертится одна мысль: какъ бы это поймать Шамиля и вмѣстѣ съ отличіемъ получить такой капиталъ. Объ опасности никто не помышлялъ, точно ея и не было вовсе.

Вотъ на противоположномъ отъ насъ концѣ аула что-то засуетились... Всѣ устремили туда взоры и наконецъ увидѣли полковника Лазарева, знакомаго своею огромною фигурой, выходящаго изъ аула съ толпою горцевъ.

— „Вотъ онъ, вотъ онъ“... раздается по всѣмъ рядамъ, и каждый внимательнѣе всматривается въ эту толпу, желая хорошенько разсмотрѣть въ ней Шамиля. Сдѣлавъ отъ аула нѣ-

сколько десятковъ шаговъ, имамъ остановился, и толпа, окружавшая его, какъ испуганное стадо барановъ столпилась возлѣ него. Мы думали, что онъ струсилъ и собирается бѣжать обратно, и у всѣхъ явилось желаніе броситься на него, схватить и не пускать изъ рукъ. Но, что за диво?! Еще Шамиль не въ нашихъ рукахъ, а намъ подана команда: „кругомъ, шагомъ маршъ.“ Мы недоумѣвали, но скоро намъ объяснили ошибку. Шамиль, выйдя изъ аула, увидѣлъ съ правой стороны дороги, по которой ему предстояло идти, весь мусульманскій полкъ, состоявшій почти безъ исключенія изъ злѣйшихъ его враговъ; опасаясь быть изрубленнымъ въ куски, онъ убѣдительно просилъ отвести этотъ полкъ куда нибудь подальше. Полку командовали „кругомъ“; баталіонные же командиры, не зная въ чемъ дѣло и полагая, что эта команда относится до всѣхъ, одинъ за другимъ командовали кругомъ; команда дошла и до насъ. Когда Шамиль отошелъ отъ аула на такое разстояніе, съ котораго бѣгство становилось невозможнымъ, весь отрядъ, какъ одинъ человекъ, словно сговорившись, грянулъ „ура!“ немолкавшее нѣсколько минутъ, „ура“ безъ приказанія и отъ чистаго сердца. Шамиль, блѣдный и взволнованный, прошелъ черезъ баталіоны и направился къ главнокомандующему верхомъ на лошади, которую подвели ему за ауломъ. Его сопровождало до 50-ти мюридовъ—остатки нѣкогда многочисленныхъ его скопищъ. Шагахъ въ 25—30 отъ главнокомандующаго онъ слѣзъ съ коня и подошелъ къ кн. Барятинскому. „Ура“ утихло и мы ясно разслышали возгласъ главнокомандующаго: „Шамиль!“... Плѣнникъ остановился. Потомъ Барятинскій сказалъ ему нѣсколько словъ, которыя мы не разслышали, повернулся и направился въ свою ставку, куда немного погодя былъ отправленъ и Шамиль, подъ наблюденіемъ конвоя. Я отпросился у баталіоннаго командира посмотрѣть на выходившихъ изъ аула мюридовъ и семейство Шамиля, побѣждалъ къ выходу, но семейство Шамиля уже удалилось и толь-

ко жители выходили изъ аула. Горцы позажиточнѣе выносили и вывозили на арбахъ имущество, а побѣднѣе навьючивали ословъ и женъ, стараясь спасти, что можно.

Къ вечеру все войска разошлись по своимъ мѣстамъ; только апшеронцы и дагестанцы остались на Гунибѣ. Апшеронцы были въ караулѣ у сакли Шамяля, а дагестанцы оцѣпили аулъ и никого туда не пропускали. Пошатавшись до вечера по аулу, я закусилъ сыру съ хлѣбомъ и началъ думать объ отдыхѣ. Погода портилась: поднялся сильный вѣтеръ, нагналъ тучи и пошелъ мелкій, но частый дождикъ. Я продрогъ, а укрыться было рѣшительно нечѣмъ. Спасибо одному унтеръ-офицеру, который принесъ нѣсколько сноповъ ячменя, разостлалъ на землѣ, посовѣтовалъ мнѣ лечь и сверху насыпалъ на меня два раструженныхъ снопа. Мнѣ дѣйствительно стало тепло—и я уснулъ спокойно.

26-го августа, среда.

Всталъ съ разсвѣтомъ и долго не могъ отдѣлаться отъ колосьевъ, которые забрались и за шею, и подъ рубаху, и въ волоса. Полукафтанъ былъ весь въ грязи, а ужъ на что былъ похожъ бѣлый чахолъ на шапкѣ—просто и сказать не могу. Между тѣмъ меня назначили дежурнымъ и надо было въ такомъ видѣ являться начальству. Но какова была моя радость, когда я увидѣлъ свое начальство нисколько не въ лучшемъ видѣ—та же грязь и тѣ же колосья повсюду.

Вскорѣ получилось приказаніе идти всемъ на Турчидагъ, гдѣ былъ штабъ главнокомандующаго. Слабыхъ солдатъ съ добычею, взятою на Гунибѣ, отправили въ лагерь, а мы тронулись въ противоположную сторону. Сначала отъ Гуниба дорога была прекрасная, между березовыми рощами, но дальше съ каждымъ шагомъ становилась все хуже и хуже. Параллельно дорогѣ бѣжалъ ручей чистой воды, пить страшно хо-

тѣлось, а нельзя: кругомъ ручья и даже въ немъ лежало нѣсколько убитыхъ мюридовъ. Солнце поднялось и жгло немилосердно; трупы несчастныхъ уже замѣтно раздуло и они начинали издавать непріятный запахъ. Разложенію ихъ много способствовало еще и то, что удалыцы милиціонеры успѣли по-снимать съ нихъ платье и они лежали почти голые. Прошли огромный заваль, на которомъ, противъ дороги, поставлено было чугунное орудіе на деревянномъ лафетѣ съ деревянными же сплошными колесами. Изъ этого-то орудія Шамиль Ивановичъ угощалъ нашихъ ширванцевъ гранатами и картечью, которыя и теперь были разбросаны всюду около орудія. Орудіе было не заряжено, но запахъ пороховой гари показывалъ, что оно недавно еще было въ дѣйствиіи. Правѣе орудія, въ завалахъ, были сдѣланы гигантскія ворота со стѣнками шириною въ сажень. Онѣ были завалены бревнами и открыты ширванцами уже послѣ взятія Гуниба. По дорогѣ ниже перваго завала валялось много убитыхъ мюридовъ. Они остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили схватки ихъ съ ширванцами. Одинъ изъ труповъ, раздутый, съ потрескавшейся кожей, былъ обожженъ. Это бѣглый солдатъ, вѣроятно артиллеристъ, который стрѣлялъ по ширванцамъ, когда тѣ шли въ гору; найдя его при орудіи, ширванцы избили его прикладами до полусмерти, зажгли на немъ платье и онъ обгорѣлъ совершенно. Несчастный получилъ награду по заслугамъ! Прошли еще одинъ заваль, гораздо больше перваго, тоже съ воротами и тоже покрытый трупами мюридовъ, и начали спускаться по тропинкѣ, которая становилась все круче и труднѣе. Тяжело было идти, а насъ все еще торопили, чтобы поспѣть къ общему сбору войскъ, гдѣ, какъ передавали, будетъ благодарственное молебствіе въ присутствіи главнокомандующаго. Наконецъ, къ 4-мъ часамъ пополудни, показался Турчидагъ. Здѣсь намъ дали около часу отдохнуть, а потомъ повели на площадь для слушанія молебна. Перестроившись въ баталіон-

ную колонну, мы заняли мѣсто между апшеронцами и самурцами. Парадомъ командовалъ г.-м. Ракуса, который уже былъ въ анненской лентѣ, полученной имъ за переправу на Сугратлѣ. Гренадеры и самурцы оказались одѣтыми въ полную парадную форму, въ чистыхъ бѣлыхъ чахлахъ и офицеры въ перчаткахъ, а мы, несчастные дагестанцы и апшеронцы, походили на оборванцевъ, всѣ въ грязи, кто въ грязномъ чахлѣ, а кто и вовсе безъ него; у апшеронцевъ 60 охотниковъ были въ лаптяхъ и поршняхъ. Но зато смотрѣли мы настоящими орлами: вѣдь дагестанцы взяли переправу, слѣдовательно проложили дорогу въ Аварію, а апшеронцы первые взяли Гунибъ, стало быть и Шамиля—чего же больше? Все-таки злые гренадеры прозвали насъ зуавами.

„Смирно!“—зазвучалъ голосъ нашего храбраго генерала Ракусы, и всѣ мы бросились по мѣстамъ. Барятинскій подъѣхалъ верхомъ прямо къ походной церкви и остановился, не слѣзая съ лошади. Намъ скомандовали „на молитву,“ офицеры подвинулись къ алтарю и молебенъ начался. Барятинскій, въ обыкновенной формѣ, сидѣлъ верхомъ на прекрасномъ жеребцѣ; на ногахъ вмѣсто сапогъ бархатные башмаки, волосы на головѣ взъерошены, а въ лѣвой половинѣ бакъ вырванъ клочекъ волосъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, задумавшись, и все время смотрѣлъ на священника. Вотъ молебенъ кончился, священникъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, начался салютъ изъ орудій; Барятинскій, не слѣзая съ лошади, подъѣхалъ и приложился къ кресту.

— „Смирно! Слушай, на кра-ўль!“—опять раздается команда генерала Ракусы. Барятинскій началъ объѣзжать войска и благодарилъ отдѣльно каждый баталіонъ за взятіе Шамиля. Послѣ объѣзда прошли мимо главнокомандующаго два раза церемоніальнымъ маршемъ, и громкое „ура“ эхомъ разносилось по окрестнымъ горамъ. Но вотъ опять выстроились въ первоначальномъ порядкѣ; Барятинскій еще разъ благодарилъ

насть, обѣщая всѣхъ наградить, и въ концѣ произнестъ: „за ваши труды, братцы, дарю вамъ пока десять тысячъ рублей.“ Крики „ура“ еще разъ потрясли воздухъ и мы стали расходиться по своимъ бивакамъ.

Сегодня былъ отданъ приказъ по кавказской арміи:

„Шамиль взятъ; поздравляю кавказскую армію. Главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Барятинскій.“

Этимъ событіемъ закончилось покореніе восточнаго Кавказа. Мы возвратились въ свои зимнія квартиры, но уже не по непріятельской, а по нашей собственной землѣ.

П. К.

